

Всадники равнин

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Всадники равнин

Макс Брэнд

Герой романа «Всадники равнин» Питер Росс, которого отец, скотовод с Запада, собрав все средства и заложив ранчо, послал учиться в университет, возвращается домой калекой. Несчастный родитель в отчаянии, а его смекалистый, физически крепкий сын не сдаётся. Он горит желанием одолеть нищету и для начала принимается грабить на проезжей дороге.

Макс Брэнд

Всадники равнин

Глава 1

Состязание

Это был знаменательный день для Росса Хейла. Вся округа знала об этом. Встав рано утром, – а ночью накануне он почти глаз не сомкнул, уж можете не сомневаться, – Хейл поглядел в зеркало, чувствуя себя необычайно бодрым, словно помолодевшим сразу на десяток лет.

Надел свой лучший костюм, с неудовольствием отмечая про себя, что сюртук блестит на локтях. Затем вышел во двор и впряг в повозку единственную пару

лошадей. Эти две тощие коняги с понуро опущенными головами производили довольно удручающее впечатление: им едва хватало сил на то, чтобы еле плестись по дороге, волоча за собой повозку и поминутно при этом спотыкаясь, но Хейл имел еще обыкновение время от времени садиться в седло и разъезжать по холмам с инспекцией своих владений.

Россу было ужасно стыдно в столь великий день появляться перед всеми в таком убогом наряде, и ему оставалось лишь утешать себя мыслью о том, что окружающие отнесутся к этому с пониманием. Вся округа знала о пари, заключенном между Россом и Энди Хейлом одиннадцать лет назад, и теперь всем не терпелось поскорее узнать, в чью же пользу будет решен этот спор.

Не вдаваясь в излишние подробности, заметим лишь, что одиннадцать лет назад в доме Энди Хейла, где именно в тот момент находились его жена и жена Росса, случился пожар. Несмотря на отчаянные попытки спасти несчастных, обе женщины сгорели заживо. И оба брата остались в одинаковом положении: оба одного возраста (они были близнецами), оба овдовели в один и тот же день, и у обоих осталось по сыну, которые были одногодками.

Наступила зима, время, когда они обстоятельно обсуждали друг с другом, какой жизнью теперь придется зажить им и их мальчишкам, строили планы на будущее, каждый по-своему представляя себе это будущее для своего ребенка. По мнению Энди Хейла, выходило, что человеку в этой жизни предначертан лишь один-единственный путь, и поэтому сам он признавал только его, считая делом стоящим, приводя в доказательство брату немало аргументов:

- Только дурак станет жить в городе, когда есть возможность убраться подальше от него. Нет, все разумные люди стараются обосноваться на природе. Почему? Да потому, что здесь и народу меньше, и дышится легче. Вот почему люди умные уезжают из города. А если так, то где еще найти более обширные просторы, как не здесь? Где еще, скажи на милость, есть такие горы, как у нас? Или лучшие пастбища для скота и лошадей? А?

И Энди Хейл, самым прекрасным образом вписывавшийся в окружавший его мир, решил, что сына своего он будет воспитывать в том же духе, чтобы и тот пошел по его стопам, повторив от начала до конца весь путь, пройденный до него отцом. По его настоянию юный Чарли Хейл ходил в ту же самую покосившуюся школу-развалюху, где и сам он в свое время выучился грамоте. Энди позаботился и о том, чтобы сын не задержался в школе ни минутой дольше того

времени, что когда-то провел за учением он сам.

– Мне этого хватило, чтобы выйти в люди. А раз так, то и моему мальчику будет вполне достаточно того же! – открыто заявлял он во всеуслышание, обращаясь ко всему миру вообще – и к своему брату в частности. Заявление это и послужило началом великого состязания между братьями.

Взгляды на жизнь Росса Хейла в материальном смысле отличались от убеждений его брата-близнеца. Росс не мог выразить словами, чем именно его не устраивала работа на пастбище. Он не имел ничего против того, чтобы выезжать туда; в каком-то смысле он был ковбоем – и, помимо всего прочего, так ловко управлялся с оружием, что за неимением лучшего вполне мог бы зарабатывать себе на жизнь охотой. И все же, будучи в целом вполне доволен жизнью, где-то в глубине души он подозревал, что существует некий призрачный горизонт, за которым открывается путь в совсем другой мир. И этот путь, подобно Млечному Пути в ночном небе, уводит в глубины человеческой души и ума.

Сам Росс Хейл не имел никакого представления о том, куда может завести человека неутолимая жажда знаний, но ему очень хотелось, чтобы его сын прошел через это, познав на собственном опыте то, о чем сам он никогда даже не смел и мечтать. Поэтому Росс принял великое решение: юный Питер Хейл должен поступить в школу, где его подготовили бы к поступлению в Восточный университет.

Он обратился за советом к Кроуэллу, состоятельному ранчеро, который в присущей ему уверенной манере высказал свое мнение по этому поводу:

– На всей земле есть лишь одно-единственное место, где американский мальчик может получить надлежащее образование, достаточное для последующего поступления в самый лучший университет Америки. Это конечно же школа Хантли. К тому же есть лишь один университет, лучший из лучших во всей Америке. Но об этом не мне говорить и не тебе слушать, потому что, если твой парень будет учиться в школе Хантли, то наверняка узнает его название еще до того, как закончит обучение.

Итак, дело казалось решенным, но уже при ближайшем рассмотрении сути проблемы ранчеро столкнулся с первыми трудностями. Образование в Восточных штатах было удовольствием не из дешевых; за учебу полагалось платить, и

зачастую деньги приходилось выкладывать немалые. Но уж коль скоро Энтони Кроуэлл высказал свое мнение по данному вопросу, то никто из окружающих не осмелился бы подвергнуть сомнению его слова, хотя, сказать по правде, заслуги коротышки Кроуэлла по части скотоводства были более чем скромны! А потому ни тогда, ни потом Росс ни разу не усомнился в целесообразности того выбора, который он сделал для сына.

Ему пришлось забрать из банка все свои сбережения, которые пошли на оплату первого года обучения в школе Хантли. Но как бы там ни было, а только сделав свой первый взнос, он впредь не расставался с мечтой о том, чтобы довести начатое дело до конца и таким образом оправдать уже потраченные деньги. Тем более что каждый последующий год учебы оказывался дороже предыдущего.

Он не мог позволить себе потратить лишние две сотни долларов на поездку на Восток, чтобы повидаться со своим мальчиком, точно так же, как не мог выложить ту же сумму за то, чтобы выписать сына к себе на Запад. Годы шли один за другим, деньги с поразительной быстротой исчезали из кармана Росса Хейла, и за все это время свидеться с Питером ему так и не довелось.

Сам же Питер, хоть ему к тому времени исполнилось лишь четырнадцать, знал цену деньгам и, не желая быть обузой, написал домой письмо, в котором сообщил, что знает множество различных способов урезать карманные расходы и устроить все так, что к моменту поступления в колледж у него набралась бы сумма, достаточная для оплаты за стол и проживание – и тогда ему, отцу, останется платить только за обучение. Это письмо затеплило в душе ранчиро слабую надежду, и он поспешил показать послание мистеру Энтони Кроуэллу, игравшему роль своего рода оракула по части образования, и услышал от него следующее:

– Образование приносит двойную пользу, Хейл. Во-первых, оно дисциплинирует молодого человека, равно как обогащает его мышление совокупностью определенных научных фактов, развивая в нем полезные навыки к самостоятельным исследованиям в новых для него областях знаний, что может очень пригодиться в жизни даже после того, как он окончит школу. Но с другой стороны, учение позволяет хоть немного продлить ребенку детство, то незабываемое время, когда на его плечи еще не легло тяжкое бремя взрослых забот. Когда он может радоваться жизни и не думать о том, что будет завтра. Он растет, набирается сил и, познавая мир, составляет собственное впечатление обо всем, что его окружает. Но если ты только заставишь бедного парня

прокладывать светлый путь к знаниям собственным горбом, то может случиться, что тяжесть будничных хлопот окажется непомерной, лишая его ощущения радости игры – атмосферы, которая должна царить в школьных стенах. Ведь в школе не только овладевают знаниями. В первую очередь это место, где мальчик получает начальный опыт жизни в коллективе, где он остается ребенком до тех пор, пока не придет время становиться взрослым – пока он сам того не захочет, Хейл. И это очень важно.

Росс Хейл не понял большую часть этой речи, четко уяснив себе лишь то, что Энтони Кроуэлл настоятельно не советовал позволять мальчику слишком утруждать себя. Этого было достаточно. Сам Росс Хейл ровным счетом ничего не смыслил в подобных вещах, и более того, как человек честный и бесхитростный, он никогда даже не помышлял о том, чтобы претендовать на собственное мнение, не имея личного практического опыта в конкретной области.

А потому он немедленно отправился домой и засел за письмо к сыну, выдержав его в духе только что прослушанной лекции, написав дословно вот что:

«Ни в чем себе не отказывай, трать столько, сколько нужно, и не задумывайся о деньгах. Дела на ранчо идут очень хорошо. Живи в свое удовольствие и учись прилежно!»

Затем он поехал проведать своего брата, Энди, а заодно продать ему участок площадью в сорок акров, находившийся в юго-восточной части угодий – Энди уже давно упрашивал его уступить ему то поле.

Решимость, с которой Энди и Росс взялись за воспитание сыновей, действуя в соответствии со своими взглядами на жизнь, пошла на пользу хозяйству Энди. Он изменил большинству своих прежних привычек, раз и навсегда покончив с жизнью беззаботного, разбитного шалопая, лишеного той серьезности и основательности, которые были присущи характеру его брата-близнеца. Увидев, на какие жертвы и ухищрения идет Росс ради своего сына, Энди мало-помалу начал менять и свою жизнь. По прошествии нескольких лет – таково было одно из условий пари между Россом и Энди – они должны были привести своих сыновей к Уиллу Насту, местному шерифу, которому и предстояло вынести безоговорочный вердикт о том, кто из парней лучше – как человек и как

гражданин.

Это было далеко неоднозначное состязание. Вне всякого сомнения, по завершении обучения Питер Хейл возвратится домой умудренным различными науками, и Чарли Хейлу придется немало потрудиться, чтобы не ударить в грязь лицом. И для этого Энди Хейл сделал две вещи. Прежде всего он старательно пытался привить сыну трудолюбие, добиваясь того, чтобы тот добросовестно овладевал всеми навыками, какие только могут потребоваться ковбою и скотоводу в работе на пастбище. Кроме того, он принялся расширять свое хозяйство, ибо задумка его была такова, чтобы к окончанию испытательного срока Чарли предстал перед всеми преуспевающим хозяином большого ранчо, владельцем многочисленного стада и обширных пастбищ. Этим самым он сможет наиболее выгодно подчеркнуть все достоинства сына, равно как его умение и успехи на скотоводческом поприще.

Вот так Энди, прежде свободно, а порой довольно бездумно соривший деньгами, стал крайне прижимист и бережлив, и со временем дела его понемногу пошли в гору – что являлось, несомненно, результатом трудолюбия и хозяйской рачительности. К тому же он был везуч, и любое дело в его руках спорилось. Язвы и болезни обходили стороной его стадо. Стоило ему только посеять что-нибудь на своих полях, и урожай пшеницы и ячменя удавался на славу. К тому же ему всегда удавалось продать свой товар с наибольшей выгодой, а самому купить все по самой низкой цене.

– Сам не знаю, как это получается! – говорил Энди Хейл, радуясь собственной сметливости и будучи весьма доволен собой. – Кажется, что пока все идет просто замечательно!

Росс Хейл считал себя некоторым образом причастным к наукам, и теперь пришло время показать свою ученость.

– Ты продался ради прикосновения Мидаса![1 - По легенде фригийский царь Мидас испросил у богов дар превращать в золото все, к чему он прикасался. (Здесь и далее примеч. перев.)] – заметил он вслух.

Процветание для Энди

Энди не знал, кто такой Мидас и при чем тут его прикосновение. Но по насмешливому тону брата он заключил, что это, должно быть, нечто неприличное, и поспешил ответить тем же, сказав в ответ что-то очень обидное. Покорность и смирение никогда не были главной добродетелью Росса Хейла, и вот так, слово за слово, обмен любезностями продолжался, приведя, в конце концов, к тому, что братья расстались, окончательно разругавшись, и их отношения навсегда утратили былую доверительность.

Нет никаких сомнений в том, что широта натуры вполне позволяла Россу Хейлу взирать без зависти на до неприличия процветающее хозяйство Энди, но только ничего поделаться с собой он не мог. К тому же примерно в то же самое время Эндрю женился во второй раз, что, на взгляд Росса, было лишь еще одним несомненным подтверждением невероятной удачливости брата. Ведь, в конце концов, содержание жены тоже стоит денег. Росс Хейл был уверен, что у брата денег куры не клюют. Более того, всякий раз отправляясь в город или же возвращаясь обратно домой, Россу приходилось проезжать по дороге, проходившей неподалеку от дома Энди, и с каждой такой поездкой он подмечал что-то новое – какой-нибудь очередной штришок в картине безмятежного благополучия и комфорта, каким окружал себя его брат.

Это мог быть участок нового забора или же очередное, новое тавро на шкуре коров, мирно пасущихся в бескрайних лугах, – Эндрю имел обыкновение пополнять поголовье своего стада, скупая скот в соседних хозяйствах, приходящих в упадок или уже разорившихся. Возможно, порой слишком бросались в глаза свежевыкрашенные стены дома или амбара – какое мотовство, переводить краску на амбар! – или же видневшаяся вдали крыша еще одного нового, только что выстроенного навеса. Владения ранчо Эндрю неуклонно продолжали прирастать новыми угодами. Процветающее хозяйство требовало все больше и больше земли! Энди арендовал многие акры под люцерну, возделываемую им в небольших орошаемых долинах среди предгорий, благодаря чему его ранчо стало крупнейшим производителем этой культуры во всей округе. К тому же в самый разгар зимы он занимался тем, что скупал оголодавшие стада в отдаленных хозяйствах, где холода не пощадили и без того скудные пастбища. И уже очень скоро эти, казалось бы, безнадежно отощавшие и вконец обессилевшие коровы, которых с превеликим трудом удавалось перегнать к нему на ранчо, отъедались и снова становились упитанными. В хозяйстве Эндрю даже костлявые доходяги обрастали мясом,

каждый фунт которого приносил ему хорошие деньги, а уж Энди знал, когда лучше всегда выставить стадо на продажу, чтобы получить за него высшую цену.

Владения Энди стремительно ширились, чтобы отвечать с каждым днем возрастающим хозяйственным запросам. Скупать все подряд было не в его правилах; вместо этого он приобретал понемногу – уголок здесь, уголок там, когда кто-нибудь из соседей оказывался в затруднительном положении и нуждался в наличных деньгах. Благосостояние Эндрю также неуклонно росло, и вот уже городские банки соперничали между собой за право вести дела этого выгодного клиента, и каждый из них был готов предоставить ему ссуду в любом размере и всего под шесть процентов.

– Когда-нибудь его это погубит! – мрачно и с горечью в голосе говаривал Росс Хейл. – Страсть к деньгам поглотит его, подобно голодной акуле! Как брат, я не могу оставаться в стороне, и мой совет должен предостеречь его от беды!

Принарядившись во все самое лучшее – будто бы он едет на смотрины новой жены Эндрю, – Росс отправился к брату со своей душеспасительной миссией и заодно собираясь лично удостовериться в правдивости слухов о том, что Энди якобы закладывает фундамент под новый амбар, рассчитанный на хранение трехсот тонн сена. На поверку это оказалось чистойшей правдой: он застал Эндрю за работой, когда тот помогал рабочим укладывать фундамент под новую постройку. Часть фундамента была уже уложена и полностью готова для продолжения строительства – а сваи-то были бетонные!

Росс Хейл во все глаза глядел на это великолепие, и острые зубы черной зависти безжалостно терзали его сердце. Здесь же он с ходу и откровенно высказал брату то, что собирался сказать, для пущей убедительности предостерегая его, по его собственному выражению, от «денежных акул» и порока стяжательства. Поначалу Эндрю слушал его, сосредоточенно хмуря брови, затем – качая головой и улыбаясь. Наконец он положил руку Россу на плечо.

– Я ни минуты не сомневаюсь в том, что ты желаешь мне только добра, – сказал он, – и мне даже в голову никогда не пришло бы, что ты явился сюда из зависти, Росс. Ты желаешь мне добра, и именно поэтому твои слова должны стать предупреждением для меня. Хочу сказать тебе, что ты иногда бываешь прав, и очень многие порой всю свою жизнь работают на банк, а не на себя. Но только не я, Росс. Нет, это не мой случай. Я кое-чему научился за все это время и скажу

тебе, что и впредь, до тех пор, пока мне не изменит рассудок и память, я буду брать ссуду у банков. Почему? Потому что мне нужен капитал, которого у меня нет. Деньги мне нужны для того, чтобы при удобном случае вложить их в дело. Когда до меня доходят слухи о том, что где-то выставляют на продажу сотню голов никчемных, подыхающих от голода коров, то я должен быть готов выехать немедленно на место и расплатиться наличными, чтобы купить это стадо для себя. Денег для этого у меня нет. На свои кровные гроши мне удалось бы сторговать лишь ничтожную часть этого стада. И тогда банк дает мне ссуду под шесть процентов. Но весь фокус-то в том, что у меня появляется возможность получить с этих денег в виде наvara еще сто процентов прибыли. Взять хотя бы недавний пример: в прошлом ноябре я прослышал, будто в Сотрелл-Вэлли продается стадо из восьмидесяти заморенных голодом дохляг – у прежнего владельца не было никакой возможности спасти их.

Что ж, заняв деньги у банка, я купил их. А теперь смотри, что из этого получилось! По прошествии десяти месяцев я продал это стадо. Восьмерых спасти так и не удалось, все зашло слишком далеко, хотя я старался изо всех сил. Зато семьдесят две коровы уцелели.

И в результате они принесли мне две с половиной тысячи чистой прибыли! Вот так-то, старина! И несколько дней назад я полностью расплатился с банком, сверх того, положил туда две с половиной тысячи, но это ненадолго. Очень скоро эти деньги мне понадобятся. Нет никакого смысла оставлять их в банке под столь мизерный процент. Так что я заберу их оттуда и пушу в дело, пусть работают!

Это было уже выше всякого понимания Росса Хейла. Он видел, что столь серьезные хозяйственные операции, всегда казавшиеся ему делом хлопотным и в высшей степени сложным, в представлении брата выглядели всего-навсего пустяковой затеей, не требовавшей много сил, и теперь он уже не мог отделаться от ощущения, что время наделило Эндрю новой, невиданной силой. Осмелиться играть по-крупному – это же надо, получить две с половиной тысячи чистой прибыли с одной-единственной сделки и говорить об этом так спокойно, будто речь идет о какой-то ерунде – для Росса Хейла было равнозначно тому, что играть с огнем!

Он благоговейно поглядел на Эндрю, но несмотря на все старания, в душе его все же затаилась злоба.

– Ну что ж, Эндрю, – проговорил он наконец, – я, конечно, в этих делах не разбираюсь. Но все равно, желаю тебе удачи и всяческих благ.

– Спасибо, – сказал Энди, – и позволь мне дать тебе один небольшой совет: если хочешь подзаработать немного денег, то вот у Дарема как раз...

– Пошли они все к черту! – перебил брата Росс Хейл. Ему было за что проклинать Даремов, ибо некий недуг странным образом стремительно уменьшал поголовье его стада.

– Что ж, – примирительно сказал Энди, – это твое дело. А как там дела у Питера?

Лицо Росса Хейла расплылось в широкой улыбке, а глаза торжествующе засияли. Но он попытался сделать свой голос как можно более небрежным и невыразительным:

– Да вот, слышал тут о нем недавно от людей. Кто-то из его знакомых передал для меня эту вырезку. Сам же Питер ни словом не обмолвился о том, что про него уже пишут в газетах!

С этими словами он извлек из кармана сложенную и довольно потертую на сгибах вырезку из газеты, в которой говорилось о том, как команда школы Хантли одержала убедительную победу над командой школы Уинрейвена в футбольном матче со счетом два один, и все это благодаря самоотверженной игре шестнадцатилетнего Питера Хейла. Орудя могучими плечами, он прорвался сквозь кордон полузащитников, увернулся от удара ногой и, сделав блистательную пробежку, забил гол. Затем он снова прорвался вперед и с такой силой толкнул защитника, что тот выронил мяч, который тут же был подобран другим игроком из команды Хантли, и вот так был забит еще один гол. Ходу самой игры было отведено минимум места, в основном же заметка была посвящена блистательным достижениям Питера Хейла. Его имя также фигурировало и в огромном, бросающемся в глаза заголовке. А в самом начале заметки целый длинный параграф был посвящен тому, как на спортивном небосклоне зажигаются новые звезды. Энди Хейл дважды прочитал это послание от начала до конца, и, когда он протянул листок обратно, губы его чуть заметно поджались.

– Ну и дела, Росс! – растроганно сказал он. – Даже и не знаю, гордиться ли мне тем, что у меня такой племянник, или же завидовать тебе, что у тебя растет такой сын. Конечно, мне за своего Чарли тоже стыдиться не приходится, но только вряд ли о нем тоже вот так напишут в газете!

Обернувшись, он взглянул на сына – статного, крепкого, загорелого красавца – как раз в тот момент, когда тот, пришпорив коня, пронесся галопом мимо и скрылся за углом амбара.

– Ему только шестнадцать, но работает наравне со взрослыми, – сказал Энди Хейл. – Может быть, он и не умеет складно говорить, как тому обучен твой мальчик, но выгоду свою знает хорошо, так что при случае ни за что не упустит! Мне не приходится краснеть за своего Чарли, хоть он и не забивает никаких голов!

И все-таки, возвращаясь домой тем вечером, Росс Хейл чувствовал себя победителем, пережившим великий триумф. Нет, угловой участочек ему все же пришлось уступить Энди, но зато в то же время он смог хотя бы немного погреться в лучах славы Питера и поделиться своей великой радостью с другими. И этого было вполне достаточно! Потому что теперь, возвращаясь обратно в безрадостный дом, к холодному очагу, он чувствовал, что эти лишения не напрасны. И тем вечером он вошел в свою сырую спальню и заснул безмятежным сном, набираясь сил для того, чтобы принять на свои плечи бремя сыновней славы.

Глава 3

Выбывший из рядов

Успехи же Питера в науках были куда скромнее его спортивных заслуг. Осенью он блистал на футбольном поле, где его достижения были поистине впечатляющими. Зимой он играл за сборную команду школы в хоккей. Весной он входил в состав бейсбольной девятки; а летом пересаживался на весла, отстаивая честь школы Хантли на соревнованиях по гребле на «восьмерках». Все это получалось у Питера на редкость здорово, и время от времени известия об этом доходили и до Росса Хейла, издали гордившегося спортивными

достижениями сына, от которого его отделяли многие и многие мили гористых пустынь, и каждая весточка о котором подобно райской музыке услаждала отцовский слух и тешила его тщеславие.

В учении же успехи Питера были чуть выше среднего, а поначалу и вовсе ниже этого уровня, но и это положение дел хоть и медленно, но неуклонно выправлялось. Далеко не все шло гладко, имелись и свои камни преткновения. Питер не писал длинных писем и вообще был скуп на слова, но однажды в одном из своих посланий к отцу он все же посетовал на жизнь, проклятием которой стала никак не дающаяся ему латынь. Однако вскоре на его голову обрушилась еще большая напасть – греческий! Оба эти предмета едва не сжили бедного Питера со свету, но после упорной и продолжительной борьбы он все же вышел победителем и из этой схватки.

Когда же Питеру пошел семнадцатый год, все как будто начало мало-помалу налаживаться. Учение стало даваться легче. На спортивной площадке ему по-прежнему не было равных, и в восемнадцать лет он блестяще закончил свое обучение, находясь в зените славы – еще бы, капитан футбольной команды и гребной в школьной команде гребцов. Даже в знаменитой школе Хантли ему удалось взойти на блистательную вершину школьного Олимпа!

Наступила осень, и сердце Росса Хейла трепетало в радостном превкушении чего-то очень хорошего. Будучи не в силах сдержать порыв охватившей его отцовской гордости за сына, он написал Питеру письмо:

«Пит, сынок, я знаю, что ты ходишь в колледж для того, чтобы получить образование. Но я скажу тебе другое: мне было всегда очень приятно узнавать о твоих успехах в спорте. Мне не дано понять, какие спряжения могут быть у греческих глаголов и для чего они нужны. Но зато я могу себе представить, что такое прорвать оборону противника в футболе. Пит, мальчик мой, меня очень радуют твои успехи в изучении наук, но еще больше я горжусь твоими спортивными заслугами – и в особенности на футбольном поле. О тебе часто пишут в здешних газетах, и все наши знакомые читают их – надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду!»

Вряд ли Питер вообще сможет в полной мере понять это! Ведь он не знал, что еще один огромный участок из владений их старого ранчо был продан Эндрю Хейлу, а на оставшуюся землю была оформлена закладная на довольно жестких условиях. Впереди же было еще целых три мучительно долгих года, отделявших его от долгожданного завершения обучения!

Первый год, проведенный Питером в колледже, принес Россу Хейлу еще больше славы. Сын играл за команду первокурсников; в «Кримсон» – сборную команду колледжа принимались студенты начиная со второго курса. Но и выступая в команде первокурсников, Питер Хейл играл поистине блестяще, внося смятение в сердца противников! В свои восемнадцать лет он весил около ста девяноста фунтов, но был так ловок и быстр, что первый удар всегда был за ним. Неизменно с блеском прорывая защиту противника, Питер с легкостью нагонял завладевшего мячом игрока, не говоря уже о тех моментах, когда, перехватив высокий крученный пас на лету, он делал великолепные пробежки через все поле, уворачиваясь и продираясь сквозь кордоны защиты, как молния пронзает затянутое грозowymi тучами небо!

Кроме футбола он продолжал заниматься греблей и легкой атлетикой, добившись заметных достижений в каждом из этих видов спорта. Сердце Росса Хейла переполнялось ожиданием следующей осени, когда его мальчик сможет, наконец, войти в университетскую сборную. И вот тогда-то к нему уже придет настоящая слава!

Наступила осень, но заметок о Питере Хейле в прессе почему-то не появлялось – кроме одной-единственной и довольно странной строки, промелькнувшей как-то в одной из газет:

«Футбольная команда «Кримсон» не так сильна в наступлении, как ожидалось ранее. Симпсон, оказавшийся в числе неуспевающих студентов, лишился права представлять «Кримсон» на осеннем футбольном турнире этого года. Кроме того, блистательный Хейл, на которого по результатам его выступлений за команду первокурсников возлагались большие надежды, не выйдет на поле из-за полученной травмы».

И все.

Росс Хейл оседлал коня и провел полночи в седле, чтобы добраться до города и послать телеграмму:

«Насколько серьезна травма и когда сможешь снова играть?»

Отец».

Спустя два дня пришел ответ:

«Через месяц или два. Ничего серьезного.

Пит».

Это несколько успокоило Росса Хейла. И все же ему не давала покоя мысль о том, что травма, выведшая его мальчика из строя на целых два месяца, была, скорее всего, нешуточной. Он выждал еще неделю, а затем отправился к Кроуэллу, чтобы поделиться с ним своими сомнениями.

– Так ты что же, – сказал Кроуэлл, – разве не знаешь, что случилось с твоим мальчиком?

– Боже ты мой, мистер Кроуэлл! – воскликнул ранчero. – Вы говорите так, как будто все это слишком серьезно!

– Seriously? – переспросил Кроуэлл, и Хейлу показалось, что он как-то очень странно посмотрел на него. – Вообще-то, наверное, могло быть и хуже! – поспешно добавил он.

– Да, – согласился ранчero, – в конце концов, это вывело его из строя всего на пару месяцев.

- И это все из того, что он написал? - поинтересовался Кроуэлл.

- Да, - честно признался Хейл.

Кроуэлл что-то тихо пробормотал себе под нос и поспешил отвести глаза. Похоже, он был немного взволнован. И тогда Росс Хейл возвратился к себе на ранчо и начал терпеливо ждать.

Наступил конец октября, затем ноябрь, а в газетах по-прежнему не было ни строчки о возвращении Питера в команду!

Это был тяжелый удар судьбы, но ведь, в конце концов, впереди у Питера были еще целых два года учебы в университете, и вообще, что Бог ни делает - все к лучшему. Пусть за время этого вынужденного перерыва его мальчик окрепнет, наберется сил и получше подготовится к тому, чтобы с наступлением следующего сезона войти в историю университетского футбола, затмив собой всех остальных. А поэтому Росс Хейл набрался терпения и стал дожидаться следующего года. Время от времени до него доходили небольшие утешительные весточки. Самой отрядной новостью было сообщение о том, что в начале лета Питер сделал большие - просто потрясающие - успехи в овладении знаниями. Но странное дело - Питер отчего-то забросил греблю, да и в бейсбол тоже больше не играл!

«Я берегу силы для футбола!» - писал Питер.

Но и третий курс оказался ничем не лучше предыдущего. Наступил октябрь, а об успехах Питера на футбольном поприще по-прежнему ничего не было слышно. Тогда Росс Хейл написал письмо тренеру университетской команды - тому самому легендарному Кроссли, - задавая ему вполне закономерный вопрос: «Почему мой мальчик не играет? Ведь он делал такие успехи! Может быть, он не подходит для вашей команды?»

Некоторое время спустя - а на дворе тогда уже стоял ноябрь, и футбольный сезон был уже завершен! - Росс Хейл получил долгожданный ответ. Письмо оказалось довольно длинным, и все, от начала до конца, было написано от руки самим Кроссли, собственноручная подпись которого красовалась в конце последней страницы!

Там были такие слова:

«Питер вполне пригоден для того, чтобы играть за университетскую команду. На сегодняшний день он является самым способным и сильным игроком команды нашего колледжа. Мы очень сожалеем, что не можем задействовать его в игре. Но травма ноги оказалась слишком серьезной, и все тренировки закончились неудачей.

Но даже если Питеру впредь будет не суждено отстаивать на футбольном поле честь университетской команды, вы имеете право знать о том, что мы, все те, кто внимательно следил за его игрой в составе команды первокурсников, считаем его очень способным спортсменом и одним из самых замечательных и результативных, по моему мнению, нападающих. Он обладает поистине железной волей. Но вы, как его отец, несомненно и сами знаете об этом.

Со своей стороны мне хотелось бы добавить лишь следующее: иногда большие разочарования, пусть даже в мелочах, лишь закаляют мужчину и придают ему сил и решимости».

В этом письме о Питере было написано еще много добрых слов. Но факт оставался фактом – в футбол он в том сезоне так и не сыграл. А Энди Хейл лишь пожал плечами и как бы между прочим заметил с улыбкой:

– Что-то, Росс, твой Пит и в этом году, похоже, не спешит всех удивить!

– Ничего, подожди следующего года, и тогда увидишь, что он обязательно побьет все рекорды! – в ответ огрызнулся Росс.

Но и наступление следующей осени не принесло сообщений о возвращении Питера Хейла в команду.

Осиротевшая команда выходила на футбольное поле, отстаивая честь знаменитого «Кримсона», переживая не самые лучшие времена. Старшие ребята старались всю, новички же, казалось, лишь отбывали время на площадке. Конечно, вне всякого сомнения, в этой команде было место для такого игрока,

как Питер Хейл. Его отец не находил себе места, зачитываясь разделами спортивной хроники газет, выходящих в Восточных штатах, и ждал, ждал, в душе проклиная все на свете, готовый пожертвовать всем только ради того, чтобы Питер появился на площадке в составе команды «Кримсон» и отыграл хотя бы период, хоть пять минут! Но этим мечтам так и не суждено было сбыться. Питера упорно никуда не приглашали!

Вслед за безрадостной осенью наступила тревожная и безысходная зима. Дважды Росс отправлялся в банки, и дважды банки отказывались иметь с ним дело. Они уже по горло были сыты его обещаниями, все это они слышали и переслышали, и вообще, ни о какой ссуде больше не может быть и речи. И плевать они хотели на то, какие огромные проценты он согласен заплатить. Он продал большую часть своего стада. Сам же жил лишь на хлебе и молоке, время от времени разнообразя свой рацион зайчатинной – когда из винтовки удавалось подстрелить косога. Мебель оставалась лишь в двух комнатах – на кухне, куда он перетащил свою кровать, и в комнате Питера, где все оставалось так, как и в тот далекий день, когда Питер уехал из дому.

Остальные комнаты дома были совершенно пусты. Конечно, продавая мебель в магазины, торгующие подержанными вещами, рассчитывать на то, чтобы получить за нее хорошую цену, не приходилось; но какие-то деньги выручить все же удалось. Но даже после этого наскрести необходимую сумму казалось делом совершенно невозможным.

«Судя по сумме, указанной в твоём последнем чеке, – написал ему в своём письме Питер, – боюсь, что в последнее время дела у нас на ранчо идут не слишком хорошо. Так что если необходимо, я за неделю могу скопить достаточно денег, чтобы доплатить недостающее».

Одиннадцать лет назад Росс Хейл начал претворять в жизнь свой великий план, и сдаваться теперь, когда до конца осталось уже совсем немного, он был не намерен. Зажав в кулаке последний доллар, он отправился играть в покер, и в тот вечер его выигрыш составил пару сотен. Все деньги до последнего гроша он отослал на Восток. Этого его мальчику должно хватить. Это был последний, завершающий рывок. Так что теперь можно уже и перестать суетиться и начать пожинать плоды своих трудов!

Глава 4

Великий момент

Теперь вы понимаете, откуда всей округе было известно о том, что значил этот день в жизни Росса Хейла. Все также знали – даже газеты об этом писали, – что юный Питер закончил обучение, показав отличные знания по всем предметам, что, по всей видимости, в «Кримсоне» считалось куда более важной заслугой, чем футбол, хотя редакторы спортивных страничек, похоже, все-таки не разделяли этого мнения.

А также Росс Хейл получил еще одно письмо от легендарного Кроссли.

«Уважаемый мистер Хейл!

Конечно, на протяжении последних трех сезонов нашей команде очень недоставало вашего сына на футбольном поле, но зато теперь вы можете сами убедиться в том, что он не терял времени даром и им была проделана огромная работа, которая имеет куда большее значение для всего нашего колледжа и для него самого и по своей весомости не идет ни в какое сравнение с теми результатами, каких он, возможно, смог бы добиться на спортивной площадке!

Желаю вам больших успехов. Из вашего сына вырос отличный, поистине замечательный человек. В жизни я никогда еще не встречал парня лучше него».

Сам сверхзанятой Кроссли нашел время, чтобы написать ему это по-доброму трогательное, душевное письмо! Росс Хейл был на седьмом небе от счастья и даже почти простил Питера за то, что тому так и не суждено было стать великим футболистом – ведь всему виной травма, разве не понятно? Сам великий Кроссли сказал свое веское слово, и это было важнее всего! Интересно, что будут говорить скептики теперь, когда он покажет им вот это письмо?

Все друзья и знакомые с готовностью верили тому, что он говорил – все, кроме Энди Хейла. У того были свои причины сомневаться – потому что пройдет еще совсем немного времени, и его сыну придется предстать перед шерифом, стоя рядом с Питером Хейлом. А уж тогда всяк имеющий глаза да увидит – и не получится ли так, что взгляд Уилла Наста все же остановится на молодом атлете, который к тому же умеет говорить по-иностранным и, помимо всего прочего, еще и читает по крайней мере на двух мертвых языках! Ему не давала покоя мысль о том, сможет ли Чарли выдержать подобное сравнение.

Конечно, Чарли был статен, силен и широк в плечах. И разве во всей округе найдется ловкач, который мог быстрее и лучше него уложить на землю годовалого бычка? Он обладал деловой хваткой, и наступит время, когда ему придется взять в свои руки бразды правления быстро растущим отцовским хозяйством и самостоятельно вести все дела. И все же будет ли он, по мнению Уилла Наста, столь же ценен для общества, как этот потрясающий Питер Хейл, на обучение которого Росс Хейл угробил полжизни и все свое состояние?

Недаром говорится: что посеешь, то и пожнешь, а после таких трудов можно ожидать благодатной жатвы. И теперь, похоже, все эти усилия окупилась сторицей. Со всех концов страны на учебу отбирались тысячи студентов – лучшие из лучших. И даже среди них этот выскочка Питер Хейл сумел проявить себя. Мало того, что он добился впечатляющих спортивных достижений, так ведь и в учебе тоже сумел преуспеть – или, по крайней мере, сильно выделиться из общей массы, что в общем-то одно и то же.

Ну а он сам, Энди Хейл, чем он пожертвовал ради сына? Занимаясь подготовкой наследства, он просто находил новые пути добывания денег и работал на совесть, с желанием и большей отдачей, чем когда-либо прежде. Росс Хейл удалился от дел; его слабая, измученная душа не принимала мысли о том, чтобы заняться бизнесом всерьез. Но вот Энди был готов бросить жизни вызов и принялся действовать с невиданным доселе рвением. На протяжении всех прошедших одиннадцати лет он трудился не покладая рук и превзошел самого себя. Если бы даже все это и затевалось им исключительно во благо сына, разве не для того он так долго шел к конечному результату своей работы, чтобы потешить собственное тщеславие? Он не мог без страха думать о том дне, когда Питер Хейл возвратится домой. Так что из всех обывателей, устремившихся на станцию в ожидании поезда, Энди, пожалуй, пребывал в самом скверном расположении духа.

Что же касается самого Чарли, то улыбка никогда не сходила с его загорелого лица, а взгляд сверкающих глаз был таким же открытым, как всегда. Было достаточно одного взгляда на него, чтобы с уверенностью сказать, что такой человек не может таить на сердце злобы. Если горожане и смотрели в радостном предвкушении вдаль, где вскоре должен был показаться поезд, то справедливости ради следует заметить, что они также с удовольствием поглядывали и на сына Энди Хейла.

Условия состязания были известны всем, так что теперь обыватели с ревностным интересом следили за его исходом. Они знали, что Чарли Хейл был наделен всеми теми качествами, которые можно было ожидать от юноши, чье детство и юность прошли на Западе, с той только разницей, что всем этим он обладал, пожалуй, даже в большей степени, чем остальные. Он вырос на преуспевающем ранчо, под чутким отцовским руководством познавая на деле разные хозяйственные премудрости. Он обладал бесспорной деловой хваткой, хорошо разбирался в коровах, знал их повадки, а также и то, как на всем этом делать деньги; и еще знал, как наилучшим образом использовать пастбище в зависимости от времени года. Кроме того, был красив и статен; отлично держался в седле, метко стрелял и никого не боялся. Так что Питеру Хейлу придется порядком постараться, чтобы опередить своего соперника!

Подъехав к станции, Росс Хейл обнаружил, что на платформе уже собралась довольно большая толпа, хотя до прибытия экспресса оставалось еще много времени. Люди продолжали прибывать, спеша присоединиться к остальным, но ему почтительно уступали дорогу.

Например, когда у ближайшей коновязи не осталось свободного места из-за оставленных здесь шарабанов и легких двухместных колясок, то Том Рэнсом отвел упряжку своих лошадей в сторону, чтобы освободить место отцу возвращающегося домой героя. А когда Росс Хейл поднимался вверх по ступенькам станционной платформы, толпа расступилась перед ним так, чтобы он мог беспрепятственно пройти вперед. По пути ему время от времени приходилось останавливаться – например, для того, чтобы взять сигару, протягиваемую одним из приятелей, обменяться рукопожатиями с другим, перемолвиться словом с третьим.

Взгляды окружающих были обращены к нему, и он видел восторг и восхищение в их глазах. Люди были готовы не обращать внимания на то, что его костюм был далеко не новым, как будто чувствуя, что и это тоже служило лишним

доказательством тех стараний, непомерных усилий и жертв, на которые пришлось пойти отцу исключительно ради того, чтобы дать сыну приличное образование.

Собравшиеся исподволь поглядывали также и на Энди Хейла, и тогда их лица заметно суровели. И дело вовсе не в том, что они имели что-то против Энди Хейла, но только по сравнению со столь положительным примером, поданным его братом, теперь могло показаться, что Энди едва ли не продал душу дьяволу. Он отдал предпочтение деньгам; Росс Хейл же, напротив, в первую очередь позаботился о духовном благополучии своего сына.

Справедливости ради следует заметить, что Чарли Хейл был одним из лучших работников на всем пастбище; у него была верная рука, и рассудительности ему тоже было не занимать – но и все же сравнивать его со столь ученым и знаменитым кузеном было бы, право, просто глупо.

Будь у Энди Хейла и его сына чуть больше самолюбия и чуть меньше мужества, они наверняка почувствовали бы скрытое осуждение в обращенных к ним взглядах и поспешили бы затеряться в толпе, но отец и сын выстояли, с улыбкой взирая на происходящее. Хотя не стоит забывать, что чужой успех, выходящий за рамки обычного везения, вряд ли может рассчитывать на снисходительное благодушие со стороны окружающих. Только слепой мог не заметить, как за эти одиннадцать лет Энди Хейл проделал путь от обыкновенного погонщика до всеми уважаемого гражданина; ему радушно улыбались банкиры, а представители окружных властей вежливо интересовались его мнением, которое затем время от времени цитировалось местными газетами – а ведь газеты, как известно, могли как сделать человеку имя, так и запросто очернить его.

Был здесь и старый Макнэр – высокий, могучий старик с умными голубыми глазами и квадратной челюстью. Улыбнувшись Россу Хейлу, он сжал его руку в своей широченной ладони.

– Слушай, Росс, – сказал он. – Твой сын – самый завидный жених во всей округе, а моя дочка – первая красавица! А что, если нам с тобой их поженить, а?

Довольно неловко было говорить об этом в присутствии самой девицы, которая, залившись румянцем, тут же обернулась к отцу и погрозила ему пальцем,

умоляя замолчать. Но Росс Хейл заметил, что испытывала она при этом скорее смущение, чем гнев.

– Черт побери, Рут, – продолжал Макнэр еще громче, чем прежде, – ведь ты и в самом деле первая красавица, и хотел бы я посмотреть на того, кто посмеет возразить, что это не так. Но у нас таких дураков нет! А, парни?

Набычившись, он огляделся по сторонам, встречая в ответ только улыбки. Даже те высказывания, которые показались бы совершенно непростительными со стороны любого другого человека, воспринимались как должное, если они исходили из уст Макнэра, личности известной в местных кругах. К тому же Рут Макнэр и в самом деле была хороша собой, так что вряд ли кто-либо из собравшихся на перроне мужчин осмелился бы сказать нечто такое, что могло бы ее так или иначе обидеть.

Девушка смущенно отвернулась, а Росс Хейл отправился дальше, и ему казалось, что солнце в небе светит ярче, чем всегда, как-то по-особенному празднично. И даже витавший в воздухе терпкий запах дегтя теперь представлялся каким-то изысканным, затмевая ароматы самых прекрасных цветов.

Теперь уже было слышно, как монотонно гудят железные рельсы. Он посмотрел на восток, окидывая взглядом тонкую линию горизонта над холмами, где деревья вплотную подступали к бледно-голубому небосводу, и увидел струйку далекого белого дыма. Она сливалась с пушистыми облаками, плывшими над землей.

Затем откуда-то издалека дважды пропел паровозный гудок, и вскоре показался нос локомотива, вынырнувшего из-за поворота и тащившего за собой поезд, который, описав плавную дугу, оказался, наконец, на прямом участке пути и, набирая скорость, спешил поскорее прибыть на станцию.

Затем поезд сбавил ход. Раздался скрежет тормозов. Со всех сторон слышались громкие, взволнованные голоса, тонувшие в оглушительном грохоте. Чем больше все говорили, тем больше возрастало витавшее в воздухе напряжение. Самые невероятные слухи и жгучее любопытство не давали никому покоя, и теперь пришедшие на станцию жители Самнертауна, повинувшись единому порыву, невольно подались вперед.

Великий момент наступил. Росс Хейл вместе со всеми глядел на то, как паровоз замедляет ход и наконец останавливается совсем. Он пытался заглядывать в окна, но глаза как будто затянуло пеленой. Вздохи и нетерпеливый шепот толпы – все, что осталось от царившей на перроне всего мгновение назад шумной суматохи, – становились все тише и смолкли совсем. Воцарилось молчание, и всеобщее внимание теперь было приковано исключительно к Россу Хейлу и его сыну, который должен был вот-вот появиться в двери вагона.

Глава 5

Крушение надежд

Однако там появился Док Мюррей, местный богатый ранчиро. Легко спрыгнув с подножки, он огляделся вокруг и, приветственно взмахнув рукой, принялся раскланиваться со знакомыми, замеченными им в толпе, решив, очевидно, что столь пышная встреча устроена специально в его честь. Но никто не обратил внимания на богатенького Дока Мюррея, который и сам внезапно осознал, что вовсе не он был центром картины, а лишь только заслонял собой его! И тогда, смущенно краснея, он поспешно исчез в толпе встречающих.

Росс Хейл улыбнулся. Наступил тот самый долгожданный момент, стоивший ему одиннадцати лет каторжного труда, исковерканной жизни и разоренного хозяйства. Теперь у него за душой не оставалось ничего, кроме воспоминаний о своем прежнем существовании. Так что если этот торжественный миг кое-кому придется не совсем по душе – что с этим поделаешь? Да и не в этом ли заключается высшая справедливость?

Один за другим пассажиры высаживались из поезда, смущенные пристальным вниманием застывшей в ожидании толпы. Они в замешательстве оглядывались по сторонам, словно пугаясь столь неожиданной встрече, а затем спешили побыстрее убраться восвояси. Как здорово, что его мальчик выйдет из вагона последним! Все шло просто замечательно!

Он был не первым из тех, кто увидел Питера. Услышав, как ахнула толпа, Росс с большим трудом взял себя в руки и, тряхнув головой, прогнал из глаз непрошенные слезы. Теперь над толпой он видел лицо единственного родного

человека, по которому он так тосковал все эти годы. На губах застыла напряженная улыбка. И еще в голове Хейла промелькнула мысль, что он никогда еще не видел, чтобы у спортсмена было столь бледное лицо.

Росс двинулся вперед, и люди расступались перед ним, давая дорогу. Но только отчего же в этот самый торжественный для него день все смотрят на него с нескрываемой жалостью?

Толпа расступилась, и он увидел своего Питера, стоявшего у вагона, из дверей которого выгружали его багаж, – он стоял на краю перрона, ссутулив свои широкие, могучие плечи и опираясь на костыли. Он и в самом деле обладал торсом великана; но вот нижняя часть его тела казалась безнадежно изувеченной – вдоль ног тянулись железные скобы. Питер неловко двинулся навстречу отцу.

Бедный Росс Хейл вдруг отчетливо припомнил события последних трех лет. Вспомнил он и то, как талантливый юный спортсмен из школы Хантли вдруг загадочным образом выбыл из рядов футбольной команды. И еще на память приходили отрывки из письма знаменитого тренера, великого Кроссли. Что ж, теперь все ясно без слов.

Он медленно шел навстречу Питеру, пройдя, как ему самому тогда показалось, ровно одиннадцать шагов – и каждый шаг давался с величайшим трудом, знаменуя собой один год, прожитый в лишениях и страданиях, какие ему только пришлось претерпеть ради вот этого момента. И воспоминание о каждом из прожитых в одиночестве годов, казалось, мучительно разрывало его душу на части.

Он проиграл, проиграл, проиграл! Вот он, его герой, его гордость, его божество, его Питер – а на деле просто немощный калека, ползущий домой, выбравшись из-под обломков исковерканной жизни!

Он не чувствовал никакой жалости к Питеру; и себя ему тоже жалко не было. Бормоча что-то себе под нос – похоже, сам не зная, что именно, – он спокойно поднял с земли чемоданы, которые Питер привез с собой. А затем, не глядя ни на кого, пошел прочь сквозь редющую на глазах толпу.

Самым первым человеком, ретировавшимся с перрона, был шериф Уилл Наст, тот самый, который вскорости должен был бы вынести решение о том, кто из двоих молодых людей может принести больше пользы их обществу. Остальные не мешкая расходились по домам. В голосе людей слышалось деланное веселье. Горожане вдруг разом начали припоминать о каких-то очень срочных и якобы очень важных делах, придумывая различные благовидные предлоги для того, чтобы развернуться и поскорее уйти.

Однако уйти незамеченными удалось далеко не всем. Время от времени в гуле голосов слышался тихий, приятный голос, когда Питер Хейл замечал и узнавал кого-нибудь из горожан. Он останавливался, чтобы переговорить с каждым из знакомых и обменяться рукопожатиями, привычным движением перехватывая правый костыль другой рукой и ловко перенося весь свой вес на ногу, закрепленную в железной скобе. Слегка покачиваясь, он с трудом удерживал равновесие, но зато правая рука оказывалась совершенно свободной для приветствий.

Выглядел он неважно, производя впечатление больного человека. Его бледное лицо осунулось, под глазами залегли темные круги. Но голос был по-мальчишески звонок. Ему было что сказать каждому из своих знакомых, и вот так, с поразительной легкостью и непринужденностью, он переходил от одного к другому, направляясь к ступенькам на противоположной стороне перрона. К этому времени народу на станции почти уже не осталось. Зрители поспешили разъехаться по домам. А потому очень немногим суждено было стать вынужденными свидетелями произошедшего в следующий момент небольшого казуса.

Нашаривая костылями ступеньки, Питер не заметил, что одна из бетонных ступеней обвалилась. Раздался сдавленный возглас; костыли скользнули вниз, и тяжелое тело Питера с размаху рухнуло в пыль.

Двое или трое оказавшихся поблизости мужчин тут же бросились ему на помощь. Но он сам поднялся с земли, проявив при этом редкостную сноровку. При падении он не выпустил из рук костылей, и можно было только догадываться о том, какой огромной силой, должно быть, обладал в свое время этот великан. И не оставалось ничего другого, как поверить в правдивость давнишних историй о том, как на футбольном поле Питер блестяще прорывался сквозь кордоны защитников, словно ураган налетая на владеющего мячом игрока, демонстрируя свою невероятную силу, доказательством которой могла

послужить та легкость, с какой он оперся на свои длинные, могучие руки, встал с земли, запорошенный пылью, и, старательно удерживая равновесие, снова встал на костыли.

Оглянувшись, его отец смотрел на суетившихся людей и не спешил прийти на помощь сыну. Он испытывал безумное желание запрокинуть голову назад и расхохотаться; и ему казалось, что если бы он и подбежал сейчас к Питеру, то наверняка не смог бы сдержать этот рвавшийся наружу безумный хохот, которого никто не должен был услышать!

К тому же и помимо него нашлось полно сердобольных помощников, принявшихся отряхивать пыль с одежды Питера. Он же с мрачным видом лишь сдержанно благодарил их. Россу Хейлу казалось, что сын его потерял всякий стыд и совесть, и принимал соблезнования окружающих со смиренной улыбкой вселенского великомученика, привыкшего к тому, что его все жалеют. Во всяком случае, для него этот день и в самом деле был чем-то сродни концу света!

Лишь одно он никак не мог взять в толк – то, что удар оказался таким неожиданным. Ведь вот только что он чувствовал себя королем, возвышаясь над всеми прочими жителями Самнертауна и его окрестностей. А уже в следующий момент от бывшего величия не осталось и следа – такое унижение, такая жестокая шутка судьбы!

Когда калека-великан добрался, наконец, до повозки, отец уже дожидался его там. Он не собирался предлагать свою помощь до тех пор, пока об этом не попросят, и к тому же ему было интересно посмотреть, как Питер будет залезать в повозку. Но на этот раз все получилось совсем не так неуклюже, как того можно было ожидать, так как Питер, балансируя на скованной железной скобой левой ногой, сначала уложил костыли, а затем, ухватившись одной рукой за верх колеса, а другой за сиденье, подтянулся и в следующий момент уже сидел на месте, стараясь отдышаться.

На стороннего наблюдателя, человека, ничего не знающего о пределах человеческих возможностей, это, пожалуй, не произвело бы особого впечатления. Росс Хейл же был в этом деле человеком искушенным. В свое время он сам едва не стал калекой, когда его лягнул упрямый мул, которого он как-то раз попытался запрячь при тусклом свете фонаря незадолго до рассвета, и тогда на выздоровление ушло почти целых восемнадцать месяцев. Он-то знал, каково подтягивать тяжелое тело на одних только руках! Собирая поводья и

залезая в повозку, Росс мысленно представлял себе, каким Питер Хейл мог бы быть – каким он был прежде!

Когда-то его ноги были такими же сильными, как и руки. Значит, он был настоящим гигантом. Эх, если бы тогда была возможность хоть однажды привезти его сюда, чтобы все в Самнертауне смогли увидеть его в зените славы – и уж тогда-то они прочувствовали бы и поняли глубину произошедшей трагедии! Но нет, даже такой малости ему не было дано, и он своими глазами видел отвращение на лицах людей, спешивших поскорее покинуть станционный перрон, – смесь отвращения и жалости – и это все, на что ему теперь оставалось рассчитывать!

Они еще все припомнят ему; целых три года они выслушивали невероятные истории о несравненной удали великана-силача. И теперь все это выглядело лишь не более чем искусной выдумкой, лживыми байками, которыми отец и сын морочили им головы, чтобы скрыть ото всех неоспоримый факт, заключавшийся в том, что жизнь и тело Питера Хейла были безнадежно исковерканы!

Росс хлестнул кнутом тощих, понурых мустангов и поспешил поскорее выбраться из города. Позади осталось не меньше мили пути, когда он впервые взглянул на Питера, да и то мельком, краем глаза, отмечая про себя, что сын сидит с высоко поднятой головой, а его спокойный взгляд устремлен вдаль, на расстилавшуюся перед ними дорогу.

Питер первым нарушил затянувшееся молчание:

– Отец, понимаю, тебе сейчас трудно. Все получилось гораздо хуже, чем я ожидал.

– Хуже? – переспросил ранчero. – Хуже? – И он рассмеялся, но поперхнулся рвавшимся наружу хохотом и замолчал.

– Понимаешь, – спокойно продолжал Питер, – когда я увидел, что ты так ждешь от меня больших успехов на футбольном поле... конечно, после случившегося со мной я поговорил об этом со своим тренером и врачом. Они согласились, что будет лучше не разочаровывать тебя вот так сразу. Тогда они согласились, что есть один шанс из десяти, что я поправлюсь и с ногами у меня будет все в порядке. И вот я понадеялся на этот шанс – как последний трус! А солгав

однажды, потом уже не решался выложить тебе все начистоту. Я вводил тебя в заблуждение теми своими письмами. Даже позволил бедному Тони Кроссли писать обо мне то, что на самом деле совсем не соответствовало действительности. Прости его! Он хотел как лучше!

Это было отзвуком далекого и недостижимого мира, в котором сын Росса Хейла вот так запросто обращался по имени к великому Кроссли – чьи фотографии то и дело мелькали на страницах газет. Росс Хейл сидел молча, не говоря ни слова в ответ, на протяжении всего пути до дома мысленно переваривая сей примечательный факт, не чувствуя при этом, однако, никакой радости или облегчения.

Глава 6

Несчастный случай

Повозка катилась дальше, то и дело проваливаясь колесами в выбоины колеи, поднимая над дорогой облачка серой, легкой пыли, стелившейся по земле, и ранчери казалось, что вслед за уже сказанным может последовать еще что-нибудь. У этого разговора должно быть продолжение. В конце концов, должны же быть еще какие-то объяснения, и Питер мог бы прямо сейчас, незамедлительно рассказать ему все как есть, от начала и до конца. И не важно, что решиться на признание всегда непросто; Питер обязательно сделает его!

Но Питер молчал. Похоже, он ожидал, что отец сам возобновит этот разговор. Так что Питер продолжал молча сидеть в повозке, теряя попусту время, а ухабистая дорога все бежала вперед, с каждым мгновением приближая их к дому.

Взявшие было поначалу довольно резвый темп мустанги теперь плелись, понуро опустив головы и еле переставляя ноги, так как подковы на задних ногах у них уже давно стерлись от частых поездок по этой вечно пыльной дороге. Интересно, как на протяжении вот уже стольких лет Россу Хейлу приходилось наблюдать извечную картину того, как эти коняги ненадолго останавливаются в том месте, где дорога идет в гору, а затем переходят на усталую рысцу, оказавшись перед спуском на противоположной стороне холма. И сколько раз он

видел, как они замедляют бег или же спотыкаются на одних и тех же местах, и вдруг заинтересованно поднимают головы, учуяв сырость и прохладную свежесть воды, которой всегда веяло со стороны мельницы Мерфи и резервуара, до краев наполненного водой!

Питер Хейл был похож на молодого индейца, и его отец не без горечи подумал о том, что, возможно, он не так уж много и потерял. Взять хотя бы то, что его Питер вовсе не был тем красавцем, каким мог бы стать. Или, может быть, и это тоже было последствием недуга? Сердце Росса Хейла было разбито, и теперь ему начинало казаться, что приключившееся несчастье не только лишило его сына физических сил, но еще и исказило некогда миловидные черты его лица. Его квадратный, волевой подбородок, например, возможно, и не придавал бы ему столь жесткое и суровое выражение, будь он чуть поплотнее. И никто не обратил бы внимания на осунувшееся лицо и ввалившиеся глаза, если бы только под ними не красовались темные круги, оставленные беспросветными годами страданий.

Да, Питер страдал. Сомнений в этом быть не могло. Но и осознание этого не облегчало того бремени, под гнетом которого находилась душа Росса Хейла. Конечно, было бы грустно, если бы его сын вдруг оказался законченным идиотом, не способным осознать, как много он потерял, сколь многого лишился из-за той роковой случайности!

– Расскажи, как это случилось, – попросил отец.

– Я был в горах вместе с Басситером – Диком Басситером. Это было летом после моего первого года в колледже. Мы с Басситером учились вместе, а познакомились еще в школе Хантли. Короче, мы были друзьями.

– Я этого не знал.

– Правда?

– Вообще-то за все эти годы ты не слишком баловал меня своим вниманием и письмами!

Краем глаза он заметил, как Питер слегка повернул голову, заглядывая ему в лицо, и, чувствуя на себе взгляд сына, Росс остался сидеть неподвижно,

сосредоточенно глядя на залитую солнцем дорогу. Зубы его были крепко сжаты, и ни один мускул не дрогнул на лице под взглядом Питера.

– Ну так вот, – продолжал Питер своим тихим, бархатным голосом, – мы с Диком всегда были хорошими друзьями. Я довольно часто бывал у него дома. Был знаком с его семьей. И они меня тоже знали. Короче, все было просто здорово. Однажды мы купались в реке – знаешь, это была такая небольшая речка, которая протекала по землям поместья, принадлежавшего семейству Басситер. А еще там было огромное озеро, на дальнем конце которого гремели водопады.

С нами была младшая сестра Дика, Молли. Она сказала, что ей хочется поплавать выше по течению, над водопадами, и тогда мы направились туда. Но достаточно было лишь однажды увидеть то место, чтобы понять, что затея эта была отнюдь не безопасной. На поверхности воды течение было ровным-ровным, но очень быстрым на глубине. Оно мгновенно подхватывало все, что только ни оказывалось в реке, и тут же затягивало под воду, стремительно неся к водопаду.

Но предупредить Молли об этом мы не успели. Она, очевидно, твердо решила нырнуть в этом месте, прельстившись обманчиво спокойной речной гладью. Она бросилась в воду и поплыла, как вдруг течение подхватило ее и понесло вниз.

Дик закричал и бросился следом за ней. Но и ему не удалось справиться с течением. Я понимал, что шансов у меня практически никаких, так как Дик плавал лучше меня, гораздо лучше. Но не мог же я просто беспомощно стоять на берегу и бездействовать. Нужно было что-то предпринять. И тогда я бросился в воду.

– И тоже не смог справиться с течением? – мрачно спросил отец.

– Я был абсолютно беспомощен. От меня ничего не зависело. Я увидел, как девочку несет вниз по течению, к водопаду, и как потом она все-таки сумела ухватиться за каменный выступ и удержалась там. Я видел, как Дик протянул ей руку, и ей удалось подтащить его к себе. Оба они были в безопасности. Понимая, что не смогу добраться до них, я решил повернуть обратно к берегу и даже попытался грести. Но все было напрасным. Мне не удавалось побороть течение ни на минуту. Оно было сильным, словно упряжка норовистых мулов!

Тут он замолчал, и Росс Хейл заметил, что его сын сосредоточенно смотрит на одинокое облако, низко плывущее по небу и купающееся в золотистых лучах солнечного света.

– А потом? – спросил отец.

– А потом меня швырнуло вниз с высоты водопада, и, когда меня все-таки выудили из него, мои ноги оказались серьезно повреждены, как ты сейчас видишь и сам...

Вот и все. Стиснув покрепче зубы, Росс Хейл приготовился выслушать леденящие душу подробности. Такова уж привилегия инвалида – смаковать грустные детали недуга, приковавшего его к ложу. Но к немалому удивлению ранчero, сын его, похоже, закончил свой рассказ и вовсе не собирался продолжать повествование.

Он упал вниз вместе с потоком воды и больше не желал говорить или вспоминать об этом. Переведя дух, Росс Хейл направил лошадей к воротам и передал вожжи сыну. Он видел, как тот окинул взглядом двор ранчо и дом, и заранее набрался мужества, ожидая услышать сакраментальную фразу, которая, на его взгляд, должна была обязательно последовать вслед за этим.

Но ничего не последовало. Питер как будто не замечал того, что во дворе не осталось ни одного дерева. Все они были спилены прошлой зимой. Продавать было больше нечего, а за дрова удалось получить хорошую цену, да и Россу опять же не пришлось сидеть без дела. Тем более что как раз в то время у Питера было особенно туго с деньгами, а этого вполне хватило на то, чтобы преодолеть кризис.

Тем временем лошади направились к конюшне. Вот он, его Питер, на сиденье впереди – его сын, его сокровище, награда за все его труды. Росс запрокинул назад большую голову и расхохотался, и в этот момент его было бы лучше не видеть и не слышать.

Лошади были быстро распряжены, и он заметил, что Питер, несмотря на недуг, поразивший его тело, действовал бойко и уверенно, ловко управляясь с упряжью и быстро работая руками, сумев самостоятельно проделать добрую половину всей работы и после не забыв позаботиться о лошадях.

Отец наблюдал за этим с несвойственным ему мучительно-горестным злорадством. Он и подумать не мог о том, чтобы по возвращении сына домой задействовать его для такой ерунды. Это было окончательное крушение всех надежд. Они вышли из конюшни во двор. Можно было подумать, что проблемы со зрением у Питера были не менее серьезными, чем с ногами. Казалось, он не замечает царившего кругом упадка и бедности: пустого сеновала на конюшне, где по полу было разбросано заплесневелое сено; прогнившей и готовой в любой момент обвалиться крыши и двери, висящей на единственной сломанной петле.

Хозяйство лежало в руинах; это было пепелище некогда процветавшего ранчо. Все состояние было спущено на обучение Питера. И что он теперь получит взамен? Это еще предстояло узнать, так как на свете существует множество способов сделать деньги, и довольно часто людям, оказавшимся в гораздо худшем положении, чем их, удавалось все-таки сколотить довольно-таки неплохое состояние. Но сказать откровенно, ни на что хорошее отец Питера уже почти не надеялся.

Когда, покинув прохладный полумрак конюшни, они вышли на залитый ярким солнцем двор, на край желоба поилки опустилась ворона, сердито закаркав при этом в их сторону. Это переполнило чашу терпения Росса Хейла, и, поддавшись внезапному порыву охватившего его гнева, он выхватил свой кольт и выстрелил. Оба выстрела оказались мимо – один испугнул ворону, тут же взмывшую в воздух, а второй последовал вдогонку, в то время как птица поднялась уже высоко в небо.

Когда же Хейл собрался было убрать свое оружие, Питер взял револьвер у него из рук. Ворона поднялась довольно высоко над землей, и устремилась к конюшне, рассчитывая, очевидно, найти убежище под крышей. Питер выстрелил, целясь в парившую в небе черную точку.

Ворона шарахнулась в сторону, снижаясь на полдюжину ярдов и гневно каркая. Затем снова устремилась вперед, но прежде, чем ей удалось достичь спасительной крыши конюшни, прогремел еще один выстрел. Сбитая на лету черная птица тяжело рухнула на землю.

Росс Хейл молча наблюдал за происходящим. И хотя он не сказал ни слова, забирая обратно свой револьвер, все же обратил внимание на безразличное выражение на лице Питера.

– Прицел сбит вправо, – сказал Росс Хейл, когда они шли через загон, направляясь к дому.

– Сбит, – сказал Питер. – Наверное, поэтому-то я сначала и попал в крыло.

– Так ты что же, и в стрельбе себя уже успел попробовать? – поинтересовался ранчиро.

– Должно же у человека быть какое-то занятие для души. Тем более что прочие виды спорта были уже недоступны для меня, – ответил Питер. – Так что за это время я успел выиграть несколько медалей, выступая за команды по стрельбе из винтовки и пистолета.

Он улыбнулся, глядя в глаза Россу Хейлу, и в его взгляде не было грусти.

Глава 7

Некоторые успехи

Иногда требуется совсем немного, чтобы заставить нас пересмотреть свое отношение к людям и многим событиям. Ранчиро подумал о том, что первое впечатление бывает обманчиво, и, возможно, на эту мысль его навел пример меткой стрельбы сына, но только теперь он твердо решил для себя, что больше ничем не станет выказывать своего уныния. Он будет говорить со своим мальчиком обо всем на свете. А так как в жизни сына были и тяжкие, безрадостные дни, то он решил, что лучше всего завести разговор о тех великих моментах и успехах, сопутствовавших Питеру на футбольном поле.

– Слушай, Питер, – сказал Росс Хейл, – а вот из всех дней на футбольной площадке какой был самым удачным, запомнившимся больше всего?

– Для меня каждый такой день был как праздник, – ответил Питер. – Я был большим, сильным и ловким. Мне нравилась игра. Я знал в ней толк.

Росс Хейл искоса взглянул на сына. Ему вдруг стало не по себе, и он благодарил судьбу за то, что поблизости не было никого из посторонних, кто мог бы услышать подобное откровение. Такая самоуверенность уж точно не нашла бы одобрения у жителей Самнертауна и близлежащих хозяйств и была бы расценена как высшее проявление нескромности. Однако Питер, похоже, и не думал хвастаться. Он просто констатировал факт.

– Хотя, – продолжал он свой рассказ, – был один такой день, который для меня оказался удачнее и значительнее, чем все остальные счастливые дни, вместе взятые. Это день, когда футбольная команда школы Хантли играла тренировочный матч против команды бывших выпускников – перед началом осеннего турнира. И к тому же это был мой последний год в школе – ты, наверное, понимаешь, что это значит.

– Продолжай! – нетерпеливо сказал мистер Хейл, приготавливаясь выслушать историю о сыновней доблести.

– Знаешь, – сказал Питер, – развивался я очень быстро. Мне было восемнадцать. К тому времени у меня был уже и рост, и вес взрослого мужчины, а мускулы сильными и крепкими, как никогда. Можно сказать, что спортом я занимался всю свою жизнь. Так что я выходил на ту игру в отличной спортивной форме.

Я был звездой в команде школы Хантли. Конечно, это еще ни о чем не говорит, потому что сама по себе команда была не очень сильной. Но среди них я был лучшим. Меня считали самым грозным нападающим. Я сам принимал решения в зависимости от ситуации, складывающейся на площадке. Команды, с которыми нам приходилось играть, обычно предпочитали не связываться со мной, а поэтому как только ребятам удавалось завладеть мячом, я стремглав летел в сторону заветной линии.

А потом была эта тренировочная игра. Бывшие выпускники вывели на поле не совсем обычную команду. Там были и не слишком расторопные, уже начинающие лысеть ветераны, и взрослые парни, только что окончившие колледж – сильные, быстрые и негибкие, как стальные гвозди. Они играли как одержимые и хорошо знали свое дело. Игрока, выставленного против меня, звали Кристиан. Тебе это имя ни о чем не говорит?

– Нет, – сказал Росс Хейл. – Рассказывай дальше!

Питер на секунду мечтательно задумался, а затем продолжил:

– За год до того Кристиан вошел нападающим во «Всеамериканскую сборную»[2 - «Всеамериканская сборная» - список лучших игроков футбольных команд университетов; по традиции ежегодно составляемая экспертами, начиная с 1889 года.], не уступал мне по габаритам и был к тому же старше на целых пять лет. У него было намного больше практического опыта и пять лет серьезных тренировок за время учебы в колледже. Перед игрой наш тренер сказал мне, что он не надеется на то, что мы выиграем у команды выпускников, но хочет посмотреть, что лично я смогу противопоставить Кристиану. Эта игра должна была стать своего рода экзаменом, проверкой на прочность в глазах выпускников – сколько результативных комбинаций удастся им разыграть на моем крае!

– Дальше! – выдохнул Росс Хейл. – Скажи, что справился с ним! Сбил спесь с этого нахала! Задал ему жару в первом же периоде, сынок!

Питер сочувственно взглянул на отца, не разделяя, однако, его энтузиазма.

– Когда игра началась, – продолжал он, – я был настроен самым решительным образом и старался изо всех сил. Но ты помнишь, как беспомощен я был, когда река несла меня к водопаду? Так вот, выйдя на поле против Кристиана, я оказался точно в таком же положении. Он, казалось, знал все мои уловки! И, видит Бог, был к тому же силен как бык! Они начали разыгрывать свои комбинации. А когда я попытался прорваться, то Кристиан стоял намертво, как скала, один играя сразу за шестерых. Короче, я никак не мог справиться с ним. Они же играли в обход меня по моему краю, разыгрывая очень удачные комбинации. Мне было стыдно. Я боролся, старался изо всех сил, но все напрасно. За три периода им удалось забить три гола, и я ничего не смог с этим поделать. Тренер, бледнея, в ужасе глядел на меня, а в конце третьего периода прислал игрока на замену – кажется, полузащитника, – который подошел ко мне и сказал: «Тренер спрашивает, не хочешь ли ты отдохнуть?»

Конечно, это просто-таки взбесило меня. Четвертый период начался при ничейном счете. Это было обыкновенное везение. Сначала нам как-то удалось подобрать оброненный мяч; потом умудрились выбить мяч и удержать его, а после перехватили их пас форварду. Так в нашем активе тоже появилось три забитых гола, что и позволило нам сравнять счет! Поэтому, выходя на четвертый период, мы знали, что надо во что бы то ни стало, любой ценой, сдержать

команду выпускников и не дать им выиграть больше ни одного очка. Закончить игру вничью, – на большее мы и не рассчитывали.

Я обратил внимание на то, что игроки команды выпускников выглядели усталыми. Даже верзила Кристиан и тот, похоже, основательно выдохся. Разумеется, он обладал всеми качествами хорошего футболиста, но к концу игры был уже далеко не в лучшей форме. В отличие от меня. Он измотал себя, гоняясь по полю за мной, стараясь выставить меня перед всеми в наихудшем свете. И вот нам впервые удалось завладеть мячом, и тогда я попросил защитника помочь мне. До окончания игры оставалось пять минут. И он рискнул. Я сцепился с верзилой Кристианом и впервые за всю игру вышел из схватки победителем. На этот раз я оказался сильнее его. Кроме того, он уже успел продемонстрировать передо мной весь арсенал своих приемов и уловок. Видимо, уж очень ему хотелось опозорить меня перед всеми.

Во время той комбинации нам удалось продвинуться на три ярда. И, разумеется, это было достойно особого внимания, так как нам удалось потеснить на своем пути верзилу Кристиана. Толпа болельщиков бесновалась, и когда мы снова перешли в нападение, то нам удалось продвинуться еще немного вперед. Обойдя Кристиана, мы впервые сделали положение «вне игры». Он бесновался, чувствуя собственное бессилие, но остановить нас было невозможно.

Я подумал о том, что, если бы наши защитники бросились бы прямо на Кристиана, вместо того чтобы пытаться его обойти, нам, возможно, удалось бы задержать его, и дело пошло бы вдвое быстрее. Я поделился своими соображениями с защитником, и он велел мне отойти назад. Мы произвели замену, место на моем крае занял другой игрок, а я вернулся назад, чтобы нести мяч, – к этому трюку мы прибегали довольно часто.

Мой план состоял в том, чтобы сделать обманный маневр на другой стороне линии, но самолично завладеть мячом и тут же броситься в атаку на Кристиана. Все получилось как нельзя лучше. Продвинулись мы, конечно, не слишком далеко, потому что мне нужно было просто перейти через черту. Я снова и снова прорывал оборону Кристиана, и в конце концов он уже спотыкался и вообще нетвердо стоял на ногах.

Мы отбрасывали его назад, в дальний конец поля. Для меня это было очень радостное событие. Такова была моя месть Кристиану за то, как он обошелся со мной в первой половине игры. Теперь же у него был растерянный вид новичка из

школьной команды, которого по ошибке выпустили на поле и заставили играть.

Положение «вне игры» застало нас на тридцатиярдовой отметке, и я подал сигнал о начале последнего прохода. Я знал, что могу поймать мяч и броситься напролом, миновать преграду в лице верзилы Кристиана и забить гол. Оглянувшись на трибуны, я увидел, что зрители встали. Посмотрев в сторону наших боковых линий, я увидел там своего тренера, того самого, который еще совсем недавно интересовался, не собираюсь ли я пойти «отдохнуть». Он буквально танцевал от счастья и выглядел самым счастливым человеком на свете. Разумеется, ведь успехи команды и ее техника игры, позволившая оттеснить назад Кристиана, будут признаны его заслугой, результатом его хорошей работы.

Затем, обернувшись, я взглянул на Кристиана и кивнул ему, давая понять, что стараюсь специально для него. Он неуверенно стоял, опустившись на одно колено, и был очень бледным. Но даже хорошо понимая, что это конец, он и не думал сдаваться. Он был готов бороться до конца. Я подумал о том, что за все четыре года его учебы в колледже еще никому не удавалось обойти его и забить гол. И затем мне в голову пришла другая мысль. Я видел, как центральной подхватил мяч и сделал пас в мою сторону. Я подхватил его и бросился к Кристиану, а затем просто выпустил мяч из рук...

Питер мечтательно замолчал.

– Но зачем? Зачем ты это сделал? – мучительно простонал его отец.

– После игры Кристиан подошел ко мне и задал этот же самый вопрос. Разумеется, они тут же подхватили мяч. И игра закончилась вничью. Тогда я сказал Кристиану, что, стоя с мячом в руках и собираясь забить гол, я вдруг вспомнил о том, что, в конце концов, это была всего лишь игра, а вовсе не смертельная схватка гладиаторов.

– Не понимаю, к чему ты клонишь! – воскликнул Росс Хейл. – У тебя была такая возможность прославиться, а ты добровольно упустил ее.

– Кристиан тоже этого не понял, – сказал Питер. – Мне кажется, он подумал, что меня подвели нервы, будто я испугался предоставившейся возможности сделать что-то стоящее. Когда я сказал ему, что это только игра, он почему-то как будто

смутился. А потом развернулся и отошел. Но для меня этот день был самым знаменательным, самым величайшим, хотя команда, очевидно, считала совсем наоборот. Все говорили, что я потерял форму. Да ладно, что было, то было!

– И это был твой величайший день? Самый запомнившийся? – воскликнул Росс Хейл. – А как же тот матч, когда ты забил три гола в...

Но Питер, казалось, не слушал его, мысленно предавшись воспоминаниям о былых временах, и отцу показалось, что в какой-то момент взгляд сына был исполнен отчаяния. Правда, он не был в этом уверен. Через мгновение от печали уже не осталось и следа. А затем их разговор был прерван приездом Энди Хейла.

Он порывисто вошел в дом, пребывая в подчеркнута бодром и приподнятом настроении, словно боясь расслабиться и помимо своей воли чем-нибудь выказать свою жалость к теперешнему состоянию Питера. Он приехал, чтобы поздравить Питера с возвращением домой; пригласить их с отцом на обед в любое удобное для них время. И кроме того, чтобы извиниться за отсутствие Чарли, у которого не было никакой возможности принять участие в этом родственном визите.

– У Чарли сегодня собственное торжество! – сказал Энди. – Ведь Рут Макнэр согласилась выйти за него замуж!

Глава 8

Не у дел

Итак, Рут Макнэр выходит замуж за Чарли Хейла!

После ухода Энди Хейла Росс еще некоторое время сидел молча, погружившись в глубокие раздумья.

– Что ж, – произнес он наконец, – Чарли и раньше был не бедным, а теперь-то и вовсе богатеем станет – везучий, черт!

– Богатеем? – спокойно переспросил Питер.

– Ну да, его отец скопил ему приличное состояние. Уж его-то родитель не выбросил все на ветер, как это сделал я. Отец Чарли сделал свое хозяйство самым зажиточным во всей округе. Разве я не рассказывал тебе о том, как Энди все эти годы корячился на своем ранчо?

– Нет, ты мне не писал ничего такого, – сказал Питер, – но я могу догадаться об этом по тому, как выглядит дядюшка Энди. Похоже, он считает себя очень важной птицей!

– Считает и, хочу тебе заметить, имеет на это полное право! Полное право! Свое хозяйство он поднял исключительно собственными силами, но все это – вся его работа – не идет ни в какое сравнение с тем, что они получают в приданое за Рут Макнэр!

– А она что, богатая? – поинтересовался Питер.

– У ее папаши денег куры не клюют. Ты такого богатства в жизни не увидишь. Никогда.

– Миллион, что ли?

– Миллион? А сколько это? – переспросил Росс, пожимая плечами. – Нет, не думаю, что у него набралось бы добра на миллион. У него не так уж много мелиорированной земли, да и стадо не такое большое, но зато у него огромные пастбища, на которых могло бы пастись в три раза больше коров, чем у него сейчас есть. А чего стоят другие предприятия старого Макнэра?! Например, одна компания из Денвера хочет купить право на пользование водой того большого ручья, что протекает по земле Макнэра. Но только речь идет не о праве на водопой для коров. Это не тот случай. Они испрашивают разрешение на то, чтобы отвести немного воды, построить дамбу и получать электричество.

Макнэр пораскинул мозгами, и эта идея ему, видать, понравилась, и он ответил, что даст свое согласие и позволит им устроить запруду, но с тем условием, что у него будет своя доля в этом предприятии. Они строят дамбу и выполняют всю работу, а он получает пятьдесят процентов акций. И компания безропотно приняла его условия! Уже только это может сделать Макнэра миллионером. Но я

привел тебе этот пример лишь для того, чтобы наглядно показать, на какие высоты вознесется человек, женившись на наследнице Макнэра! – Росс потрянул головой и страдальчески протянул: – Эх, Питер, было времечко...

– Что-что? – переспросил Питер.

– Нет, это я так. Не обращай внимания! – замахал руками Хейл. И тут его будто прорвало: – Питер, неужели ты ничего не понял? Твой кузен станет самым значительным, самым влиятельным человеком во всей округе! Слышишь меня?

– Слышу, – подтвердил Питер.

– Черт возьми! – воскликнул отец. – И тебя это, похоже, ничуть не беспокоит!

– Беспокоит ли это меня? Конечно нет. Я очень рад за кузена Чарли, только и всего.

– К черту кузена Чарли! А денежная сторона вопроса, стало быть, для тебя ничего не значит?

– Да зачем все это? – спросил Питер. – Меня бы вполне удовлетворил и скромный доход.

Отец утер пот со лба и наконец пробормотал:

– Конечно, есть много путей, которыми может воспользоваться образованный человек, чтобы сделать деньги, и с моей стороны было бы очень глупо это отрицать. Слушай, Питер, ты ведь, кажется, говорил, что у тебя склонности к юридическим наукам. Полагаю, ты мог бы стать адвокатом в Самнертауне?

– Стать адвокатом? – воскликнул Питер. – Отец, но для того, чтобы им стать, нужно учиться еще целых три года после окончания общеобразовательного курса.

Мистер Хейл покачнулся и поспешно схватился за спинку стула.

– Еще... три года? – задохнувшись, переспросил он.

- Да, по крайней мере три.

- Еще три года! - повторил мистер Хейл и засмеялся каким-то очень странным смехом. - Но, может быть, ты все же готов заняться чем-нибудь другим? Вообще-то, сынок, ты никогда не писал мне много о себе, о своей учебе. Так откуда же мне знать, кем ты можешь быть, а кем нет?

- Это так, - согласился Питер. - Боюсь, я и в самом деле не держал тебя в курсе своих дел.

- Когда девять лет назад ты переломал ноги, - сказал Росс Хейл, - мне пришлось выложить за лечение почти полторы сотни долларов. Слушай, Питер, может быть, ты можешь работать доктором, если уж на адвоката тебя не выучили? Доктора неплохо зарабатывают.

Питер покачал головой.

- Курс медицины вдвое длиннее курса юриспруденции, - сказал он. - Нужно проучиться четыре года, а затем еще два года стажироваться в больнице. Еще шесть лет после окончания колледжа!

Ранчero был окончательно сражен этим известием.

- Ладно, - пробормотал он, обретя наконец дар речи, - значит, на изучение законов и медицины нужна целая вечность! Но ведь хоть чему-то в университете все-таки должны научить, не так ли?

- Есть технические отделения, - сказал Питер, - где учат на инженеров и других специалистов в этой области.

- Добыча серебра, строительство мостов и тому подобные вещи! Замечательно! Надеюсь, ты выучился всему этому, Питер! - воскликнул отец.

- Меня никогда не привлекали точные науки, - сказал Питер. - Большинство ребят посещали так называемый общий курс. И я тоже.

– А что представляет собой этот общий курс? – спросил, совсем упав духом, отец. – Немного того, немного этого и ничего конкретного?

– Можно сказать, так, – согласился Питер, очевидно не замечая ноток отчаяния и горестного разочарования, появившихся в голосе отца. – Я еще не знаю, чем именно я сейчас могу заняться. Может быть, стану работать учителем. Я могу преподавать в средней школе... греческий или историю... или латынь.

– Учителем! – вскричал Росс Хейл. – Учителем! В школе! И это мой сын?!

Он рассмеялся нервным, дребезжащим смехом и опрометью выбежал из комнаты.

Сын же даже не попытался вернуть его. Оставшись в одиночестве, он выждал еще какое-то время, понимающе глядя на голое, без штор окно, сквозь которое струились потоки солнечного света. Наконец, собравшись с духом, Питер направился к кладовой, задумав провести ревизию имевшихся в доме съестных запасов. Он нашел пустой мешок из-под сахара, остатки ветчины – в основном один жир, четверть мешка подгнившей картошки, фунтов пять-шесть грубой кукурузной муки, немножко соли и полфунта очень дешевого кофе.

Каждую находку Питер оглядел самым внимательным образом. Когда с осмотром кладовой было покончено, он развернулся и проворно отправился дальше по коридору, к двери своей комнаты. Здесь он отлично обходился и без костылей, обладая поразительной способностью передвигаться с помощью опоры, придерживаясь за нее руками – такой опорой вполне могли послужить и стены коридора. Выбрасывая далеко вперед скованные железными скобами ноги, он быстро продвигался по коридору огромными, неестественно широкими шагами.

Оказавшись в своей собственной комнате, он с той же тщательностью осмотрел каждую вещь: все было на месте. Комната осталась в точности такой же, какой была прежде, когда он уезжал. Все тут содержалось в порядке. В воздухе не стоял нежилой запах пыли и сырости, который неизбежно появляется в долго пустующих помещениях. Напротив, здесь пахло свежестью и дышалось легко; очевидно, комната регулярно убиралась и проветривалась. Это и стало ответом на все вопросы, не дававшие покоя Питеру.

Он медленно двинулся дальше, завершая обход старого дома. В какой-то момент у него появилось ощущение, что он бродит по пепелищу среди голых останков уничтоженной пожаром постройки. Он помнил этот дом совсем другим – в жаркие летние дни здесь царила приятная прохлада, а зимой жарко горел огонь в очаге, было тепло и уютно. Теперь же все разительным образом изменилось: во дворе ранчо больше не росли раскидистые деревья, в тени которых когда-то утопал их маленький домик, и не нужно было обладать сверхпроницательностью, чтобы понять, почему их спилили.

Все, что только можно было продать, было распродано, а деньги пошли на оплату его учебы, книг, учебников и прочих расходов, которые он всегда делал с такой легкостью. Другие тоже посылали своих сыновей учиться в колледж. А сам он никогда не задумывался о том, что все это время единственной его опорой был неискушенный в денежных делах отец, за душой у которого не было ничего, кроме этого небольшого ранчо.

Первые подозрения закрались в душу, когда он увидел двух понурых кляч, запряженных в ожидавшую его на станции повозку, и выцветший старый сюртук отца. Вид дома и покосившаяся конюшня лишь красноречиво дополняли безрадостную картину царившей в хозяйстве разрухи. Хотя то, что довелось увидеть в самом доме, глубоко запало ему в сердце.

На заднем дворе раздался стук топора. Выйдя из дома, он застал отца за колкой дров. Но сухое дубовое полено было очень твердым, а топор оказался тупым; к тому же руки Росса Хейла в этот день странным образом ослабели и предательски дрожали. Ни слова не говоря, Питер забрал у него топор.

Глава 9

Дым воспоминаний

– Так ты что, и топором можешь махать? – спросил отец.

– Еще как! Гляди!

Было очень странно видеть, как Питер встал, расставив ноги, и, для большей устойчивости вогнав в землю концы железных скоб, обеими руками взялся за топор. Бревно оказалось очень неподатливым, и до этого момента топор в руках Росса Хейла лишь беспомощно отскакивал от древесины. Теперь же, когда за дело взялся Питер, все изменилось. Самым первым ударом он вогнал топор в дерево до половины лезвия; второй удар отколол полено толщиной в две человеческих руки. И с каждым новым взмахом звон топора разносился по округе громким эхом, похожим на ритмичные выстрелы из длинноствольной винтовки.

Росс Хейл изумленно наблюдал за каждым движением сына, глядя на то, как взлетает вверх и стремительно обрушивается вниз лезвие топора и думая... Эх, а что бы было, не стань сын великан калекой...

– Этого хватит?

Большая дубовая колода была наколота на поленья среднего размера, вполне годившиеся для растопки плиты, и Питер с улыбкой стоял рядом, небрежно облокотившись на рукоятку топора. Он взглянул на отца, но гордость на лице Росса Хейла соседствовала с выражением невыразимой словами муки, и Питер поспешил отвести глаза.

Над землей начали сгущаться ранние сумерки, и по дороге в лучах догоравшего заката со скрипом и грохотом катилась тяжелая повозка, запряженная дюжиной ритмично покачивающих головами мулов.

– Повозка из каменоломни! – воскликнул Питер. И вдруг залился радостным смехом. – Неужели она, пап?

– Ну да, – подтвердил Росс Хейл. – А что тут такого?

– Последний раз я видел нечто подобное одиннадцать лет назад. Уже почти и забыл, что на свете есть такие места, как каменоломни!

– Теперь не забудешь! – заверил его отец. – У них работа кипит вовсю и дела идут хорошо, как никогда. С той только разницей, что возят оттуда уже отнюдь не камни! А кое-что поценнее. В той стороне нашли серебро. Так что теперь денежки льются рекой!

– Серебро! – воскликнул Питер. – В старых каменоломнях?

– Ага, серебро. И этот негодяй Джарвин...

– Старый Майк Джарвин?

– Да.

– А разве Майк со своей любимой бутылкой виски...

– А ты сам послушай! – перебил сына Росс Хейл.

В тишине вечера над грохотом тяжелых колес и скрипом осей плыл хриплый голос неведомого певца, возвещавшего своей песней, что якобы в Майо ждет его голубоглазая девица, к которой он обязательно вернется, преодолев на пути все океаны и горы.

– Это же Джарвин! – пробормотал Питер, все еще улыбаясь и задумчиво качая головой. – А я-то думал, что старый прощелыга давным-давно спился. Так нет, поди ж ты, жив курилка, и орет так же громко, как всегда!

– Даже громче, потому что свои денежки он в прямом смысле копает из земли! К тому же теперь и каменоломни, и рудник находятся в его единоличном распоряжении.

– Все-все теперь его?

– Абсолютно.

– А что же стряслось со старым Сэмом Дебни?

– В этом-то все и дело. Здесь многие задаются тем же вопросом. Но все, что осталось от Дебни, – это его труп на камнях у подножия скалы. И удобное местечко на склоне, откуда он свалился – или же его столкнули!

– Убийство! – угрюмо заключил Питер Хейл. – Точно, это убийство!

– Люди говорят то же самое, но доказательств ни у кого нет. Все мы знаем, что старого Дебни убил Майк Джарвин. Но какой от этого прок, если мы не можем ничего доказать? Джарвин прибрал к рукам рудник. С каждым месяцем богатеет все больше и больше. В банке небось его деньги скоро некуда будет складывать. И работают на него человек сорок рабочих – не меньше.

– Сорок!

– Да, сэр, вы не ослышались. Он расплачивается с ними раз в месяц. Как раз сейчас везет денежки, чтобы выдать жалованье.

– Странно, что его до сих пор никто не ограбил.

– А кто станет связываться?

– А как же братья Баттрик или еще кто-нибудь из местного ворья? Уж чего-чего, а жулья здесь всегда полно водилось!

– Точно, – согласно кивнул отец, – и, заметь, все они друг друга стоили. И братья Баттрик, надо сказать, еще те проходимцы, а старого Майка Джарвина до сих пор не ограбили – и никогда не ограбят впредь, хотя бы только потому, что с одной стороны его охраняет кольт Левши Баттрика, с другой – винтовка Дэна Баттрика. А он платит им так щедро, что для них перерезать ему горло было бы непозволительной роскошью. Он ненавидит их за то, что они тянут с него денежки; а они, со своей стороны, презирают его за то, что он не платит им больше. Но отделаться от них он не может – боится. Они же не станут убивать курицу, несущую золотые яйца. Теперь понимаешь?

– Веселенькая история! – сказал Питер Хейл.

– А то! Раз в месяц мы слушаем вопли этой свиньи, которая ползет в своем тарантасе по дороге и везет четыре или пять тысяч долларов золотом под надежной охраной Баттриков, сдувающих пылинки с этого борова, чтобы с ним, не дай Бог, чего не случилось.

Питер смотрел вслед удалявшейся повозке – маленький фонарь, раскачивавшийся позади, уже исчез из виду, хотя отдававшийся эхом грохот

колес был все еще отчетливо слышен. Затем собрал наколотые дрова и проворно направился к ступенькам двери, ведущей в кухню. Отец не уставал поражаться ловкости сына. Он хорошо понимал, что после того ужасного несчастного случая, в результате которого Питер стал инвалидом, ему пришлось серьезно потрудиться над тем, чтобы побороть недуг, прибегая к помощи единственных доступных ему средств, а именно: незаурядной смекалки и огромной физической силы, сохранившейся в верхней части тела. Хорошая спортивная форма способствовала тренировкам, а гибкий и проницательный ум позволял со всей серьезностью подходить к проблемам и подсказывал возможные пути их разрешения. Теперь он с неподражаемой ловкостью взошел по ступенькам лестницы, ведущей к двери в кухню, неся при этом такую огромную охапку дров, какую сам Росс Хейл, пожалуй, никогда и с места-то не сдвинул бы.

Питер вошел в темный дом и, стоя у плиты – словно колосс на глиняных ногах! – занялся приготовлением ужина, в то время как его отец отсиживался в углу, пытаясь поддерживать веселенькую беседу, на собственном опыте убедившись в том, что, как уже давным-давно доказано людьми просвещенными, даже для того, чтобы правдиво солгать, без соответствующего таланта не обойтись.

На ум Россу Хейлу пришла еще одна догадка, и, чем дольше он наблюдал за сыном, тем больше убеждался в том, что Питер отлично понимал, каким унижением и разочарованием обернулось его возвращение домой, но все-таки ничем не выдал своих чувств и не поддавался им. Он сохранял спокойствие, держался с достоинством – и даже пробовал шутить!

Напряжение нарастало с каждым мгновением, пока Россу Хейлу, наконец, стало невмоготу выносить все это. И он решил ретироваться. Сразу же по окончании ужина – если это можно было назвать ужином, – он с готовностью принял предложение Питера, вызвавшегося помыть посуду, и вышел на улицу, где довольно долго в темноте ночи бесцельно слонялся по двору.

Позади себя он слышал, как оставшийся в кухне Питер затянул песню, и его голос отдавался гулким эхом в пустом, старом доме. Но отец знал, что веселье это было напускным. На самом же деле душа Питера томилась под гнетом такого безутешного горя, какого самому Россу Хейлу так и не было дано прочувствовать до конца.

Дело с мытьем посуды продвигалось довольно быстро. Когда все было закончено, Питер решил побыть еще некоторое время в одиночестве, чтобы

успокоиться окончательно. Он слышал тихие шаги отца, расхаживающего по двору, усеянному мелкими камешками. Ему тоже очень нравилось ходить вот так, и было время, когда он проводил многие часы, расхаживая взад и вперед и напряженно думая над чем-то, пока, наконец, нужная мысль не осеняла воспаленный ум. Теперь это простое удовольствие было ему недоступно. Он устало опустил в большое кресло, стоявшее в углу кухни, вспоминая, как когда-то его дед просиживал здесь многие часы напролет, и вытащил старинную черную трубку, на стенках которой намертво запекся табачный налет. Он осторожно набил ее.

Питеру казалось, что курение поможет ему отчетливее понять, на что пошел отец ради него. Это было своего рода самоистязание. Страдания Росса Хейла были не только физическими: душа его не выдержала и надломилась под тяжестью непомерной ноши, взваленной им на себя. И все же он сумел пройти до конца этот тяжкий путь – что за награда для человека, давно поставившего на себе крест! Очнувшись же, огляделся по сторонам, с удивлением понимая, что не попал на небеса, а просто оказался отцом человека, которому, возможно, так и не суждено когда-либо снова встать на ноги.

Не находя себе места от отчаяния, Питер вынул трубку изо рта и закрыл глаза, нервно сжимая кулаки. Раздался громкий треск, и тут же жгучая боль опалила ладонь и большой палец руки. Его любимая и единственная трубка была сломана – раздавлена на тысячу мелких кусочков.

Он даже не чертыхнулся, а просто остался сидеть, глядя на небольшую дымящуюся грудку обломков на полу перед собой и размышляя о том, под силу ли обыкновенному человеку одной рукой сломать трубку, сделанную из толстого корня эрики, как это сейчас он сделал всего двумя пальцами – большим и указательным. Почувствовав отчаянное желание выйти на свежий воздух, он встал и направился к двери из кухни. По пути он заметил, как в темноте сверкнули стволы отцовских револьверов – Росс Хейл оставил их на кухонном столе. Питер остановился и взял оружие в руки. Это были хорошие револьверы. Мужчины из рода Хейлов знали толк в них и умели с ними обращаться. Рукоятки револьверов были удобными и пришлись Питеру точно по руке. И тогда, сунув оружие за пазуху, он вышел из дому.

Мастер грабежа

Несомненно, даже кошка наделала бы больше шума на пути к боковым воротам, пробираясь по угольному шлаку, которым была посыпана дорожка, – сделано это было для того, чтобы земля не пылила летом и не раскисала от грязи зимой. Костыли Питера были подбиты толстой, пористой резиной, что делало его движения почти бесшумными.

Осторожно выскользнув за ворота, он вошел в темный загон. В голове у него уже созрел четкий план действий. Только бы удалось выполнить задуманное и возвратиться обратно прежде, чем отец вернется в дом и хватится оружия.

Оказавшись в конюшне, из двух лошадей он выбрал ту, что была, как ему казалось, посправней, а значит, вполне способной выдержать внушительный вес седока. Питер быстро оседлал и взнуздal свою клячу. После случившегося с ним несчастья он довольно много времени проводил в седле и быстро приспособился к своему новому состоянию. Он вполне мог без посторонней помощи сесть в седло и знал, как и что делать дальше.

Оседлав лошадь, он сунул ноги в стремяна, закрепив их скобами с каждой стороны, и был готов отправиться в дорогу, с виду ничем не отличаясь от обычного всадника. Хотя если только допустить мысль о том, что лошадь споткнется и упадет вместе с ним – что ж, тогда Питеру придет конец! Но к риску ему было не привыкать.

Выехав на дорогу, он пришпорил усталого мустанга, направляясь к цели своего путешествия, но так и не заметив поблизости огонька костра. Скорее всего пьяный Майк Джарвин, руководствуясь одному ему известными соображениями и будучи по натуре человеком в высшей степени странным и непредсказуемым, решил не устраивать ночного привала и ехать напрямик в каменоломни.

Питер без остановки проехал около часа, а потом придержал лошадь. Откуда-то из темноты прямо перед ним доносился грохот тяжелых колес медленно катившейся повозки. Он снова пришпорил коня и вскоре уже мог различать хриплые окрики возницы, правившего длинной упряжью мулов.

Над землей висело густое облако пыли. Темная громада груженной повозки медленно плыла на фоне звездного неба, и всякий раз, когда колеса попадали в выбоины на дне колеи, высокая груда ящиков и бочек поскрипывала и угрожающе кренилась.

Питер вынул из кармана большой шелковый платок и повязал его так, что свободный угол совершенно закрывал большую часть лица – нос, рот и подбородок. Широкие поля шляпы скрывали лоб и глаза. Он медленно пустил мустанга вперед, пока, проехав рядом с повозкой, не поравнялся наконец с широким, сделанным на заказ сиденьем, устеленным мягкими подушками. На нем маячила жирная туша Майка Джарвина, по бокам от которого темнели сухопарые силуэты двух вооруженных людей.

– Эй! Кого еще черти несут? – рявкнул один из охранников, устроившийся на переднем сиденье, находившемся как раз чуть повыше головы Питера.

– Послание для Джарвина, – ответил Питер.

– Эй, Дэн, глянь-ка, есть там еще кто? – приказал охранник своему напарнику.

– Нет, Левша, сзади никого не видно, – ответил Дэн.

– Что там у тебя для Джарвина? – так же неучтиво, как и прежде, поинтересовался Левша.

– Новости с каменоломни.

– Что еще за новости?

– Все написано вот в этом письме.

– В каком еще письме?

Питер поднял руку, и Левша Баттрик наклонился к нему. В тот же миг широкая ладонь намертво сомкнулась вокруг запястья Левши; он и вскрикнуть не успел, как оказался сдернутым со своего места. Чем выше положение, тем больнее оттуда падать. Левша тяжело обрушился вниз и остался неподвижно лежать в

пыли.

Едва успев разделаться с Левшой, Питер заметил, как в темноте блеснул ствол вскинутой винтовки, направленной Дэном в его сторону, и тогда он выстрелил, целясь чуть пониже нее. В ответ донесся сдавленный крик, и он увидел, как Дэн Баттрик кувырнулся вперед, вываливаясь со своего места и исчезая в темноте.

Ему вторили испуганные крики возницы, правившего размеренно шагающей вереницей мулов, и проклятья Майка Джарвина, теперь одиноко восседавшего на мягких подушках сиденья.

- Что такое? Что происходит? Кто здесь? - верещал возница.

- Скажи ему, что все в порядке, Майк, - приказал Питер. - Ты меня слышал? Действуй!

- Ничего, придурок, это просто шутка! - выкрикнул Джарвин в темноту. - Занимайся своим делом, знай правь мулами!

После этого он повернулся к Питеру:

- Хорошая работа, парень. Скажи, что ты хочешь от меня? Может, тебе нужна работа?

Питер усмехнулся. Он слышал о коварстве и редкостном хладнокровии Джарвина, но на такое никак не рассчитывал.

- Не нужна мне работа, по крайней мере сейчас, - сказал Питер. - И уж во всяком случае не та, какую, полагаю, ты хочешь мне предложить.

- Откуда ты знаешь, что я собираюсь тебе предложить? - спросил Джарвин. - Если ты можешь в одиночку одолеть обоих Баттриков, значит, ты и с работой будешь справляться лучше, чем это получалось у них. И скажу тебе, приятель, я стану платить тебе столько же, сколько платил им, и...

- Держи руки так, чтобы я их видел, - перебил его Питер.

– Конечно-конечно, – поспешно отозвался Джарвин. – Я и не думал ничего затевать против тебя, сынок.

– Хорошо, – одобрил Питер. – А теперь давай раскошеливайся.

– Так что же, работа тебя не интересует?

– А что в ней интересного? – сказал Питер. – Да и сколько Баттрики получали от тебя за нее?

– По две сотни в месяц – каждый!

– И ты согласен платить мне за двоих?

– Я платил бы тебе три сотни, парень. Верное дело! Более легкого заработка тебе нигде не найти!

– Благодарствуем, – сказал Питер. – А теперь расстегни пояс и дай его мне.

Джарвин заскрежетал зубами.

– Виселица по тебе плачет! – объявил он.

– Это в том случае, если я не соглашусь работать на тебя, – поправил его Питер.

– Ограбить меня, а потом вести речь о какой-то работе? Боже, что за наглость! – воскликнул Джарвин.

– Работаю я днем, – сказал Питер, взмахнув рукой, указывая куда-то в темноту, давая понять, что где-то в той стороне находится его работа. – А этим я, так сказать, подрабатываю. Гляди-ка! Похоже, это твой возница!

Вороватая тень скользнула по казавшейся в темноте белесой стерне – бросив вожжи, возница кинулся наутек, безо всякого сожаления оставляя свою полную опасностей работу.

- Все они трусы и предатели! - сказал жирный Джарвин. - Ну вот, теперь я остался один!

- Но ты даже и не попытался выхватить пистолет, - заметил Питер.

- Потому что у меня его нет.

- Ты разгуливаешь без оружия?!

- При моем образе жизни носить оружие и уметь с ним обращаться - вернейший способ отправиться на тот свет, - сказал Джарвин. - Так что, сынок, я никогда не держу его при себе. Мои самые злейшие враги - а их у меня предостаточно - знают о том, что я никогда не держу при себе больших денег. Вот мой пояс. Посчитай деньги и затем спроси свою совесть, позволит ли она тебе оставить их у себя. Все, что было заработано честным трудом!

- А какая доля с этих честных денег причитается Дебни? - спросил Питер. - Может быть, ты как раз собираешься в преисподнюю, чтобы расплатиться с ним?

- Дебни? - переспросил толстяк. - Что ж, похоже, ты не просто мастер грабежа; ты настоящий историк, которому известно даже о том, как бедняга Сэм свалился со скалы!

- Да, Сэму тогда, прямо скажем, не повезло, - согласился Питер.

- Такова жизнь, парень. Такова жизнь! Так скажи, ты уже закончил со мной? Или, может быть, желаешь еще пошарить по карманам?

- Ты слишком жирный для того, чтобы держать что-либо существенное в карманах брюк, - проговорил Питер, рассуждая вслух. - Нет, пожалуй, одного сюртука будет достаточно. Давай-ка его сюда!

Джарвин снова заскрежетал зубами, но сюртук снял.

- Рекомендую прислушаться к моему предложению, молодой человек; я согласен платить двойное жалованье, какое до этого получали Баттрики. Четыреста долларов в месяц, все будет твоим, и, кроме того, возможность для приработка.

Каждый из Баттриков уже выжал из меня по пять тысяч долларов.

Питер невольно вздрогнул.

– Десять тысяч долларов! – сказал он. – Это очень хорошая сделка, Джарвин. Вообще-то я, возможно, еще и наведаюсь к тебе в каменоломни, чтобы еще раз переговорить об этом. Интересно, чем ты набил карманы этого сюртука, что так не хочешь с ним расстаться?

– Ничего в нем нет, кроме горя и неудач, – сказал Джарвин.

И он протянул сюртук, но в тот же момент Питеру показалось, что какой-то небольшой темный предмет свалился с сиденья и бесшумно упал на землю. При свете звезд можно было заметить, как над колеей взметнулся небольшой фонтанчик дорожной пыли. Питер взял сюртук и, развернув коня, отправился восвояси.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По легенде фригийский царь Мидас испросил у богов дар превращать в золото все, к чему он прикасался. (Здесь и далее примеч. перев.)

«Всеамериканская сборная» – список лучших игроков футбольных команд университетов; по традиции ежегодно составляемая экспертами, начиная с 1889 года.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brend_maks/vsadniki-ravnin

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)